

Мария Вородина

ДЛАНЬ
ПОКРОВИТЕЛЕЙ

Воземление

16+

Мария Бородина

Длань Покровителей

3. Заземление

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Бородина М.

Длань Покровителей 3. Заземление / М. Бородина — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Самые страшные тайны раскрылись? Твоя жизнь и благополучие под угрозой? Тогда убегай! Даже если путь будет тернист, а самые близкие окажутся предателями, помни: выход есть всегда. Просто иногда нужно очень постараться, чтобы найти его. Спасти мир или спастись самому? Простить или проститься? Убить или умереть? Беги, пока не настал рассвет! В оформлении обложки использована иллюстрация Марии Бородиной.

Пролог

Тридцать шестой день первого сезона, год 328

Если это не конец, тогда что?

Земля тряслась и ходила ходуном, будто чрево, готовое разродиться. Воздух пах яростью и болью. И хотя она видела лишь тьму, мрачная уверенность не отпускала. Жуткое предчувствие раздирало лёгкие и стискивало сердце железным кулаком. Ошибки быть не могло, и осознание этого пробирало ужасом.

– Открой! – дверь едва не сорвалась с ветхих петель, когда два крепких кулака забарабанили по дереву. – Не смей! Слышишь?! Не смей!

– И не подумаю, – шепнула она растрескавшимися губами и подошла к окну. Ледяной ветер дунул в лицо, скинув волосы с плеч. Мелкие холодные крупинки осели на щеках.

Снег. Она не ошиблась – всё кончено. Сегодня они разорвали небо надвое. Фатальная оплошность повторилась. Второй шанс уже использован. Третьего не будет. Как же они недальновидны, что не могут пораскинуть мозгами и принять это во внимание!

Всё таки, человек – неисправимое чудовище. Покровители сохранили мир для того, чтобы люди снова его уничтожили? Покровители дали возможность спастись лишь для того, чтобы её растоптали?! Как бы не так!

Пол тряхнуло. Град мелких камушков застучал по мраморному полу. В мощном шуме, что сочился с улицы, чётко угадывались голоса. Они переплетались, наслаивались друг на друга, перемешивались в жуткую какофонию. Бессвязные фразы, яростные выкрики безумцев, дрожащие и срывающиеся от боли... Она почти видела их лица: испещренные язвами и расчерченные рельефом корок; лица, подобные географическим картам – ужасающие лица...

Но страха больше не было. Сомнений – тоже. Секунды, убегающие в никуда, как песчинки – вот чего следовало бояться сильнее, чем толпы разъярённых безумцев. Каждая могла оборвать тонкую нить, удерживающую мир. Или ознаменовать общий финал. Нужно успеть до того, как Покровители подведут черту, оставив их жалкие жизни за бортом.

Она улыбнулась, пытаясь сосредоточиться на главном: на том, в чём все они так нуждались сейчас. Знакомые слова – те, что знает каждая женщина, наделённая магическим потоком, и держит для особого случая – отчаянно просились на язык. Она проговорила их про себя, проверяя, не забылось ли что-то. Долгие годы жизни крадут память, об этом следует помнить, если планируешь что-то важное и грандиозное.

– Открой! – стук разбивал острый от эмоций воздух на мелкие осколки. Вот же как получилось: Анацеа, самая стойкая из них, сломалась, превратившись в одну из безумных. – Немедленно! Впусти меня!

– Я всё решила, – отрезала она, и горлом неожиданно пошёл дерзкий смех. – Встретимся там, где всё началось!

– Не смей! – голос Анацеа заглушал шёпот падающих камней и треск дерева. – У нас ещё есть шансы! Не всё потеряно, не всё!

И это говорит она? Анацеа Бессамори? В те страшные мгновения, когда их прижали к ногтю, и прятаться больше некуда? В обезоруживающие минуты, когда потеряла самое драгоценное?!

– Иногда вера в лучшее ведёт к поражению, – отрезала она в ответ, и за дверью раскатился пронзительный вой.

Глупо. Глупо и безнадежно. В Анацеа говорит паника. Она сейчас так же безумна, как люди, что собрались под окнами. И так же безнадежно больна... Анацеа ещё не поняла, что произошло. Возможно и не успеет понять.

Пошарив по столу, она подцепила ладонью горсть холодных морских камушков. Волна залила шероховатость граней настолько, что их нельзя было отличить от самоцветов, обра-

ботанных рукой ювелира. Снег, летящий из распахнутого окна, путался в её волосах и таял, превращаясь в капельки воды. Они бежали по лицу, будто слёзы.

– Открой! – ветхое дерево с надрывом заскрипело. Ещё чуть-чуть, и Анацеа всё испортит! Вот же неразумная женщина.

Пора.

– Даэрэс крипто хаэл, – первый камушек соскользнул с ладони и стукнул по полу. – Сир нарти глэйс мидонто, – второй полетел следом, прочертив по коже холодную линию.

Слова отскакивали от зубов, как ежедневная молитва Покровителям, и камушки стучали по полу, знаменуя окончания фраз. Удивительно, но годы и старость не украли ни слова из памяти. Это был самый важный урок в Наставне. Каждая из посвящённых должна была заучить заклятие наизусть, но никогда, никогда не произносить его вслух... Лишь особый случай давал на это право. Такой, как сегодня.

– Амэм! – подытожила она, обронив последний камушек: успевший вобрать тепло её прикосновения.

Воздух зазвенел и задрожал, стирая всё: стон трещащего дерева, приглушённый голос Анацеа, вопли безумцев. И прежде, чем она ощутила, как пространство разбирает её на лоскуты, в ладонь скользнул тёплый камушек.

Она улыбнулась. Всё правильно.

Глава 1

Путь в пропасть

1

Промозглый дождь размывал краски пейзажа, заставляя небо ломаться на осколки. Силуэты деревьев и границы тротуаров терялись в дрожащей мгле. Нери знал: сегодня фонари не зажгутся. Через пару часов Девятый Холм утонет в слепящей темноте, и лишь одинокие окна домов немного разбавят её непреодолимую густоту.

Истинную ценность привычных вещей можно осознать только потеряв их. Здесь, на Девятом Холме, даже обыденные составляющие прежней жизни, вроде электричества, казались чудом. Задумавшись о вечном, Нери перегнулся через балконные перила. Дождь ударил по затылку, заставив нырнуть обратно. Последняя гроза Межсезонья не принесла свежести. Привыкший за день жуткий запах по-прежнему был всюду.

Нери с тоской взглянул на пожухшее поле за оградой особняка. Бурая гладь, пестрящая цветами календулы, простиралась до горизонта, закономерно заканчиваясь обрывом. Ниже лежали лишь океан и Пропадь... Из-за горизонта валили едкие клубы чёрного дыма. Кажется в Пропасти творится что-то странное!

Но почему тогда Анацеа бездействует?! Почему она тратит драгоценное время на разборки с ними? Одно из двух: либо он придаёт слишком большое значение этим странным вещам, либо...

Догадка ошпарила кожу. Накативший жар пробрал до костей. Дыхание перехватило. Скорее всего, всё настолько страшно, что Совет стремится всеми силами огородить жителей Девятого Холма от массовой истерии.

Страх побежал по позвоночнику к затылку. Руки вцепились в решётку, мокрую от дождевых капель. Знакомая боль тут же дала знать о себе, но Нери был рад ей. Она отрезвляла. Ненавистное гудение нервов на басах напоминало о том, что он ещё жив. Всё происходящее сейчас – не сон. И не галлюцинация.

Нери втянул воздух, пропитанный едким, всё ещё незнакомым запахом. Страх на мгновение отступил, разрешив отдышаться.

Тонкий скрип балконной двери прорезался сквозь шум дождя. Доски пола покачнулись от тяжёлых шагов. Знакомый, до одури пьянящий запах розового масла накрыл с головой. Пара узких ладоней легла на перила рядом с его. Нери опустил взгляд и заметил чёрную пышную юбку в пол, украшенную гипюровыми рюшами.

– Я не смогла, – две чёрные вишни пристально уставились на него.

– Плохо, – подытожил Нери, удивляясь тому, как ему удаётся сохранять самообладание и спокойствие. – Значит, мы не сможем спасти ни Мию, ни твоего брата. И нам тоже не поздоровится. В первую очередь, тебе.

– И что будет дальше? – голос Кантаны дрогнул.

– Не ты ли рассказывала о законах Девятого Холма? – Нери невесело ухмыльнулся, подставляя лицо дождю.

– Думаешь, они осмелятся нас наказать? – Кантана сжала губы.

– Устой, Положения, что там ещё? – Нери пожал плечом. – С твоим братом всё решено и так. В лучшем случае, думаю, ты присоединишься к нему. Ну а меня и Мию, наверное, принесут в жертву. Чужеземцы здесь не нужны.

Последние слова дались Нери с огромным трудом. Губы едва шевелились, а голос будто стал чужим. Сиплый звук утонул в нарастающем шуме ливня.

– Высокомерные чужеземцы не нужны точно! – Кантана задрала нос в небо.

– А высокомерные местные? – парировал Нери, не разжимая зубов.

– Слушай, Нери, – вскипела Кантана, – мне надоело уже спасать ваши задницы. Сели мне на шею и одни проблемы создаёте.

– Это ты, кажется, нас сюда затащила, – напомнил Нери. – Мы бы и без тебя перекантавались. А вот от тебя действительно одни беды.

Взгляд Кантаны прожигал, как лазер. Нери ненавидел этот пристальный взор: каждый раз, когда она начинала подражать своей матери и её манере держаться, у него начинали дрожать и подгибаться колени. Как у юнца, впервые решившего поцеловать женскую особь, несмотря на систему мораториев.

– Да и кто тут кого спасает? – добавил он, едва сдерживая издевательский смех. – Хочешь, я прямо сейчас выложу твоей матери всю правду? Нас с Мией это, конечно, не выручит, а твоего брата – тем более; но хотя бы упрекать нас больше никто не будет. Достало жить в вечном унижении, честно!

Победно ухмыльнувшись, Нери стрельнул глазами. Он надеялся, что взгляд получился обжигающим и резким, как контрольный выстрел.

– Покровители исцеляют унижением тех, кто ставит себя слишком высоко! – Кантана отвернула лицо и, в ярости сжав губы, ударила деревянную облицовку балкона. В ту же секунду раздражение сменила гримаса боли.

– Поосторожнее, руку ломаешь, – съязвил Нери, наблюдая, как струйки дождевой воды сбегают по кованой решётке.

– И свалился же ты такой на мою голову! – недовольно сморщившись, процедила Кантана.

– Кто виноват-то? Это я, что ли, ваши дурацкие законы нарушил? – Нери фыркнул, уставившись на расплывающееся по грозовому небу облако дыма. – Это я предавался колдовству, имея анафему?

– Нери. Я – Длань, – произнесла Кантана раздражённо. – И не могу даже об этом сказать. Они ждут меня. Я могу помочь родному городу, и это действительно то, что я желаю сделать! В первый раз в жизни я уверена, что хочу совершить этот шаг! Меня могли бы уважать и ценить. А что теперь? Мне подавиться этой магией, которая так сильна, что даже не подчиняется моей воле?! Просто смотреть, как люди вокруг умирают, да?!

– Ты ещё тщеславнее меня, я вижу, – Нери покачал головой. – Я бы думал прежде всего о собственной безопасности. Или о том, как смыться куда-нибудь незамеченным... Но уж точно не о всемирной славе!

– Не смешно! Весь город может слечь!

– Вот именно, что не смешно, – Нери уже начал забавлять этот диалог. – Пару раз открыла хиленький портал, и сразу возомнила себя Дланью. Постыдилась бы: тебе ещё многому нужно учиться. Лучше уж вообще никак, чем абы как.

– Я постоянно делаю это! – щёки Кантаны пылали.

– О, так ты у нас ещё и рецидивистка? – процедил он с усмешкой.

Кантана отвела глаза, пережёвывая проигрыш. По крайней мере, Нери надеялся, что она осознала его правоту. Отбирать силой – вот всё, что она умеет. Брать без спроса – единственная роскошь, которую может позволить. Видали таких!

– Я таких слов не знаю, – буркнула она.

– Рецидивист – это тот, кто нарушает мора... Устой и Положения постоянно, – пояснил Нери. – Не слишком умный человек, которого жизнь ничему не учит. Тот, кто с успехом наступает на одни и те же грабли по десять раз подряд. Как ты, например. В Иммортеле твоё имя уже давно висело бы на Доске Нарушителей, и никто не воспринимал бы тебя всерьёз.

Кантана вскинула руки к намокшим волосам и злобно зыркнула на Нери. Нити дождя запутались в её локонах. Если бы Нери встретил Кантану в Иммортеле при других обстоятельствах, он счёл бы её красивой. Очень красивой.

Интересно, а есть ли у неё в Иммортеле дубль, как у его сестры? Может быть, вторая Кантана не столь заносчива?

– Пожалеешь ещё, – сдавленно проговорила Кантана. – Покровители наказывают насмешников.

– Боюсь, что уже не успею пожалеть, – Нери пожал плечом. – Если наш план сорвётся, завтра я отправлюсь в расход. Вместе с Мией. А ты – в другое место. Сказать куда?

Кантана побледнела. Пальцы задрожали, раскидывая вокруг дождевые капли.

– Надо как-то взять всё в свои руки, – процедила она сквозь зубы. – Я хочу жить.

– И я хочу, – Нери уставился заледеневшим взглядом вдаль: туда, где кончалось поле, переходя в невесомость. – Поэтому на твоём месте я продолжал бы тренироваться. Ты – единственная, кто сможет привести план в исполнение. Мы с Мией должны оказаться на Первом Холме как можно скорее. Элатар должен освободиться и получить ещё один шанс. А ты должна от нас избавиться и жить дальше, не вспоминая эти дни и не преступая больше допустимых рамок. Если, конечно, твоя мать ни до чего не донюхается. Что мы сможем сделать ещё, если ты не сможешь открыть портал сегодня ночью?

Лицо Кантаны окаменело. Глаза уставились на верхушки берёз, раскачивающиеся от ветра. Ладони сжали балконные перила: вода заструилась меж тонких пальцев. Поток дождя бежали по щекам, как слёзы. В этот момент она казалась особенно нежной, женственной, мягкой. Нери задумался, залюбовавшись ею: воспоминания о первом дне знакомства, когда Кантана разъярённо кидалась на него с ножом, казались сейчас глупым вымыслом.

– Он же там... – произнесла Кантана отрешённо. В её зрачках снова блеснул привычный огонёк решимости. – Элатар. В пропасти, среди чужих. Один, совсем один...

– Что? – переспросил Нери, наконец, очнувшись от нежной иллюзии, так напоминавшей галлюцинацию.

– Азаэль на Пути сегодня вечером, – Кантана прикусила губу, – он, наверное, сможет нам помочь. Если он встанет на нашу сторону, мы выведем Элатара без портала! Я хотя бы немного облегчу себе задачу.

– Пф-ф, – Нери фыркнул, представив слащавую физиономию Азаэля. – Вот уж его посвящать в наши планы не надо. Как этот наивный дурачок нам поможет? Или у тебя внезапно созрел гениальный план?

– Не знаю пока, – Кантана выглядела решительно, – но надо что-то делать. Азаэль может подкинуть идей. Он знает больше, чем я думаю. Одна голова хорошо, две – лучше.

Холодная капля разбилась о кончик носа Нери, разлетевшись на мириады ярких искр. Парадоксальное ощущение спокойствия и беззаботности на мгновение вернулось. Нери словно перенёсся назад во времени на долю секунды. Мимолётная иллюзия уволокла туда, где было электричество и не существовало назойливой девчонки в чёрных одеждах.

– Хотя в чём-то ты права, – Нери подставил лицо морозящему дождю, – у одного из стоящих на этом балконе головы нет. И этот кто-то – не я.

– Мой долг – спасти Элатора, – Кантана, казалось, не обращала на издевательства внимания. Её голос приобрёл былые игриво-самоуверенные нотки. – Какую бы цену ни пришлось заплатить за его свободу. И отправить вас восвояси с Девятого Холма. Сегодня и ни минутой позже!

– Ну, так иди, – Нери беззаботно махнул рукой. – Ступай, выложи всё своему Азаэлю. А я посмотрю, как он расскажет твои секреты Анацеа.

– Пойду!

– Кантана, ты сейчас прикрываешь не только то, на чём сидишь, – Нери покачал головой, – но и нас с Мией. Не забывай об этом.

– Ему можно доверять, – заметила Кантана. – Точно.

– Да иди, коли так. Держу я тебя, что ли?!

Кантана выгнулась, как гепард, настигший добычу после утомительной погони. Беззастенчивая улыбка заиграла на губах. Она торопливо связала разлохматившиеся волосы в небрежный пучок. Казалось, она не обращала на Нери никакого внимания. Но у него хватало разума, чтобы понять: августейшая только и думает, как бы заставить его плясать под свою дудку. А уж насколько её раздражает отсутствие контроля, Нери и представить себе не мог.

Это было истинное противостояние, и Нери пока вёл в счёте. Но он не мог предугадать, что Кантана выкинет через минуту.

Между тем, Кантана перекинула одну ногу через перила, собрав юбкой скопившуюся под ними дождевую воду. А потом – навалилась животом на перекладину и перенесла свой вес на другую сторону ограждения.

– Думаешь, я запаникую и кинусь доставать тебя? – только и успел проговорить Нери.

– Нужен ты мне, – дерзко усмехнулась Кантана и перекинула вторую ногу.

Не успел Нери сообразить, что к чему, как она стремительно прыгнула вниз, прямо в цветочную клумбу. Юбка раздулась в полёте, как парашют, сделав её похожей на большую чёрную медузу. Кантана ловко приземлилась меж грядок с засохшими цветами и, удержав непонятным образом тело в равновесии, присела на корточки. С высоты она напоминала одинокого воронёнка в огромном гнезде.

– Вы не ушиблись, госпожа? – с деланным безразличием выцедил Нери.

Кантана выпрямилась. Ответ давать она не собиралась. Приподняв намокшие края юбки, она поспешила к ограде. Пышные останки сухой травы шелестели под туфельками. Жидкая грязь сердито клокотала, знаменуя горделивую поступь. Ухватившись за прутья забора, Кантана без особых усилий взлетела наверх. Нери снова удивился, как она умудряется проворачивать такие трюки в неуклюжем балахоне с тяжёлыми рюшами. Воображение нарисовало, как Кантана, запутавшись в складках ткани, срывается вниз и с визгом падает спиной в грязь... Но как же далеки были эти мимолётные фантазии от реальности!

Кантана и не думала падать. Развесив чёрный полукруг юбки на ограде, она ловко оседлала забор. Победно развернула лицо к Нери, поправляя выбившиеся из пучка пряди.

– Я пошла! – закричала она сквозь дождь, явно ожидая от Нери реакции.

Нери недовольно опустил взор, уставившись в идеально отполированные доски пола. Ишь ты, манипуляторша нашлась!

– У тебя в голове хоть что-то осталось, кроме тошнотворного розового бульона? – крикнул он в ответ. Поддаваться на дешёвые провокации не входило в его планы, хотя магический аркан сладких речей тянул всё ближе, высасывая душу.

– Попридержи свой язык, Нери, – Кантана чёрной бабочкой приземлилась на противоположной стороне забора. Движение снова получилось виртуозным и безупречным. Видать, выделявала такие пируэты не впервые.

Фигурка Кантаны становилась всё меньше, отдаляясь, а в груди Нери закипала ярость. Вот так случай: вечно металась между двух огней, и тут наконец-то решилась! Да, точно решилась! Вот она вошла в сухую поросль, заботливо подобрав юбку. Трава обволокла её щиколотки. Издалека – ну, точно обложка женского романа.

Нери энергично помотал головой, отгоняя остатки дремоты. Наворотит она дел... И хорошо, если не попадёт под трибунал. Чтобы быть настолько непоследовательной и спонтанной, определённо, нужен талант.

– Сумасшедшая... – прошептал он.

Силуэт Кантаны почти растворился за стеной дождя. Как во сне, Нери заметил, что она кокетливо обернулась через плечо. Он не различал лица за дрожащим занавесом капель, но готов был поклясться, что надменный взор выстрелил в него. И попал.

Она ждала. Юная госпожа Бессамори всегда получала желаемое, и слишком уж устойчива была эта губительная привычка.

– Снова ведь попадёт в какую-нибудь передрагу, – рассуждал Нери полушёпотом. – А там и нас выдаст.

Нери в отчаянии сдавил виски. Интересно, Кантана вообще осознаёт, что лезет в пекло? Или это её жестокий способ пригнать его к ноге?

Она не оставила ему выбора. Остепенить её сейчас – первостепенная задача. Учитывала ли она, продумывая план, что Нери ни в коем случае не допустит просчёта и срыва?

Умеет ли она вообще думать?

Закусив губу, Нери перекинул ногу через балконную решётку. Он старался не упускать из поля зрения отдаляющийся силуэт Кантаны. Шаг девушки будто бы замедлился. Вот она, не оборачиваясь на особняк, накинула на волосы капюшон.

«Точно, манипулирует! – отрывками пронеслось в голове у Нери, когда он, несмело оторвав ноги от опоры, приземлялся на покрытую щебнем дорожку. Он оказался не столь ловок: левую голень моментально пронзила острая боль, а джинсы засияли свежей дыркой на колене. – Это у неё в крови. Я повёлся, как дурачок! Но как я ещё должен был поступить?! Как?!»

Стараясь сдерживать злость, Нери выпрямился и поспешил к забору.

2

Прихрамывая после неудачного падения, Нери ворвался в гущу полевых трав. Оранжевые точки цветков по обе стороны стремительно убегали назад, сливаясь в радиальные нити. Он оказался прав: Кантана несколько замедлила шаг, но по-прежнему двигалась, не оборачиваясь. Значит, заранее предполагала, что он нагонит.

Чашечки цветов склонились к земле под тяжестью капель. Пожухшая трава напиталась водой. Алый диск солнца, вырвавшись из плена серых туч, приближался к горизонту. Дождь почти закончился, и теперь лишь редкие крупные бриллианты, падающие с небес, напоминали о недавней непогоде.

– Кантана, стой! – окликнул Нери. Он задыхался от быстрого бега.

Девичья фигурка остановилась метрах в тридцати впереди, развернулась лицом к нему и демонстративно упёрла руки в бока.

– Подожди! Я на пределе сил! – почти умоляюще прокричал Нери, презирая себя за сопливую сентиментальность.

Кантана покачала головой. Капюшон свалился ей на плечи.

– Эх, Нери 42. Стоило ли ломаться? Это я должна быть кисейной барышней, а не ты.

– Я просто счёл должным предупредить, что толку от твоего похода не будет! – Нери старался восстановить дыхание. – Пустая трата сил и времени. Давай вернёмся и продолжим тренироваться. Лучше вытащим Элатара сюда.

– Ничего ты не понял, – Кантана с неожиданным спокойствием подняла глаза, – может, я просто решила надышаться перед смертью?

– Надышаться?!

Кантана, наклонившись, сорвала цветок и принялась пересчитывать пальцами оранжевые полусухие лепестки.

– Что, если ты прав, и завтра не наступит? – она склонила голову, щурясь от солнца.

Нери пожал плечами:

– Нужно, чтобы этого не случилось. Мы должны выпутаться. Сейчас мы за одно. Понимаешь?

– Ну, так придумай что-нибудь, – Кантана энергично раскидывала туфельками упавшие лепестки, обломки травяных стеблей и грязь, – ты же у нас самый умный. Я не хочу терять эту жизнь.

Их глаза встретились. По коже, оголяя нервные окончания, пронёсся холодок.

– Как ты не поймёшь, – Нери раздосадовано махнул рукой, – всё сейчас зависит только от тебя.

– Но должен же быть и какой-то другой способ, – Кантана улыбнулась, втыкая цветок в волосы. В её ухмылке сквозила знакомая лисья хитрость. – Или кишка тонка додуматься?

– У нас был хороший план, – произнёс Нери, придавая голосу твёрдость и решимость. – Доступный и рациональный. Если бы ты смогла открыть портал, мы выручили бы и Мию, и Элатара. К утру ты уже забыла бы о нас, и каждый вышел бы без потерь. Всё или ничего. Ещё не поздно остановиться, Кантана. Не старайся переложить всю ответственность на меня. Я вижу, что ты лукавишь.

– Может, я не хочу забывать? – шёпотом ответила Кантана, и Нери тряхнуло, как в лихорадке.

«Есть вещи, которые заставляют тебя гнить заживо» – внезапно всплыл в памяти заносчивый голосок Мии. Рассерженное лицо подруги возникло перед глазами, как чёткий кадр киноленты. Мог ли Нери предположить, что их ждёт, когда впервые встретил её в университетской столовой? Мог ли думать, что Миа станет его лучшим другом и честным союзником?! Теперь он обязан спасти её. Во что бы то ни стало!

Он не только обязан, но и обещал. Обещал...

Цветки календулы редели. Теперь меж ростков проглядывали проплешины сырой земли. Закат добавил пейзажу красных оттенков. Башня по левую руку на фоне грозových облаков выглядела почти зловеще.

Нери и Кантана вышли на узкую тропку, присыпанную гладкой галькой. Кантана тщательно вытерла грязь с обуви крупным листом неведомого растения и, разжав ладони, опустила подол. Растрёпанный цветок по-прежнему торчал в её волосах маячком, оттеняя тёмную красоту.

– Нери, – выговорила Кантана на редкость серьёзно, – ты в самом деле считаешь, что у нас ничего не получится?

Интонации её голоса сражали спокойствием и непринуждённостью. И как реагировать на этот хитрый выпад? Возможно, Кантана лгала, демонстрируя ложные эмоции. Но в этот

момент казалось, что одним нечаянным словом он способен погубить её веру в хороший исход. И заставить мобилизоваться тоже!

– Я не говорил такого, – изрёк Нери, стараясь тщательно подбирать слова. – Я имел в виду то, что мы можем всё исправить. Если постараемся. Многое сейчас зависит именно от тебя. Но, как бы ты меня не костерила, я в тебя верю.

В глазах Кантаны блеснул огонёк надежды. Шаркнув подошвами по камням, она развернулась. Прежде, чем Нери успел сообразить хоть что-то, Кантана положила руки ему на плечи. Едва касаясь шеи, расправила воротник его рубашки. Холодок её кожи мимолётно скользнул там, куда чуть больше недели назад вошло лезвие ножа. Сумасшедшая дрожь побежала по телу, словно сквозь него послали разряд в двести двадцать вольт. Нери закрыл глаза, презирая себя за то, что не хочет прерывать это сладостное мгновение.

– Как бы мы с тобой ни ссорились, мне нужна твоя вера, – губы Кантаны тронула едва заметная улыбка. Приоткрыв веки, Нери заметил, что девушка без смущения смотрит прямо в его глаза.

Молния разрешила небо пополам, сверкнув фиолетовой линией. Кажется, гроза не собиралась сдаваться. Не прошло и секунды, как оглушительный разряд грома сотряс воздух.

– Покровители благословляют нас на свершение! – воскликнула Кантана, отстраняясь. – Мы должны идти на Путь. Хотя бы для того, чтобы не промокнуть.

Она рванула к Башне, раскидывая ногами гальку.

– Это всего лишь гроза, не драматизируй, – отозвался Нери. Ушибленная нога вяло ныла при каждом шаге, и он едва поспевал за нею. – Научно доказано, что наша жизнь не управляется никем, кроме нас самих.

– Ты оскорбляешь такими заявлениями Покровителей, – Кантана сдвинула брови. – Ты отрицаешь всю высшую составляющую человеческих чувств, как таковую. Тогда почему ты идёшь сейчас спасать свою подружку?

– Альтруизм – это инстинкт. Выживание в одиночку бесперспективно, поэтому он заложен в природе человеческих особей, – безапелляционно высказался Нери.

Укоризненное личико Мии снова всплыло в памяти, как маяк. Он врал Кантане. Он бессовестно врал...

Багровые лучи заката растаяли в ворохе набежавших туч. Зловещий силуэт Башни медленно приближался. Поле с цветками календулы осталось позади. Тропинку теперь обрамляли иссохшие пучки дикого вереска и поникшие полевые цветы.

– Говорят, что до Возмездия к началу годового цикла всегда выпадал снег, – задумчиво произнесла Кантана, поддев носком сухой цветок. Сморщенные лепестки посыпались из чашечки, разлетаясь по ветру. – Ты когда-нибудь видел снег, Нери?

– Каждый Новый Год вижу, – Нери пожал плечом, стараясь не упасть под потоками ураганного ветра. – Его привозят на главную площадь Иммортеля с городского хладокомбината.

– Он даже не падает с неба? – разочарованно протянула Кантана. – Значит, нам сказки рассказывают?

– Нынешний климат не позволяет, – пояснил Нери. – До Пере... до Возмездия зима... Ну, то есть, первый сезон, как у вас говорят, был более холодным. Мне сложно представить, как в таких условиях выживал человеческий вид, но это не миф. Так что, снегопадов и у нас нет уже много десятилетий.

– Знаешь, о чём я всегда мечтала? – Кантана окинула Нери лукавым взглядом. – С самого детства я хотела, чтобы снегопад ознаменовал мою смерть.

– Брр, – он поёжился. – Ты ненормальная. Даже у меня в детстве не было суицидальных мыслей.

– Мама говорит, что смерть может забрать нас в любую секунду. Я считаю, что если уж умирать, то красиво, – Кантана улыбнулась, поправив цветок в волосах.

Ещё одна молния разрезала скопища туч зловещей стрелой. На этот раз раскат грома не заставил себя долго ждать. Волна вибрации с рокотом разнеслась по полю, коснувшись земли, и с дребезжанием поднялась обратно в небеса. Вторая волна грозы шла по пятам!

– Быстрее, Нери, – Кантана с тревогой поглядывала на сгущающиеся тучи.

– Не указывай, что ли, – выдавил Нери.

Кантана самодовольно хмыкнула и рванула к Башне, чудом не запутавшись в одеждах. Длинная юбка парусом развевалась за её спиной, собирая сухие листья и обломленные стебельки трав. Нери, неуклюже прихрамывая, помчался следом. Свет заходящего солнца, едва проглядывающий сквозь тучи, больно резал глаза. Слезы бежали по щекам к подбородку.

До пункта назначения оставалось каких-то шестьдесят метров. Нери, щадя пострадавшую ногу, наконец, позволил себе сбавить темп. Кантана ушла далеко вперёд и издали напоминала взлохмаченного ворона.

– Быстрее! – прокричала она сквозь свист ветра. Чёрная фигурка замерла у Башни.

Издалека Нери увидел, как Кантана торопливо подбежала к окну, наполовину ушедшему под землю, и достала из-под накидки исчерченный кусочек пергамента. Приложив странную вещицу к ставням, она крепко прижала её ладонями и уставилась в темнеющее небо. Когда из-под пальцев вырвалось свечение, ставни сами собой распахнулись вовнутрь, обнажая чёрную пасть прогала.

Задыхаясь от быстрого бега, Нери подоспел к Башне. Первые капли дождя упали на землю за его спиной.

– Ты первый, – Кантана показала на проём, подёрнутый тьмой. – Прыгай, не бойся!

3

Когда первые раскаты грома пронесли над садом, и по подоконнику застучали одинокие дождевые капли, Анацеа снова начали мучить подозрения.

Сначала она думала, что это – лишь реакция на произошедшее утром. Потом убеждала себя, что странное чувство – предвестник суточной головной боли, что напоминала о себе каждое межсезонье. Однако Анацеа обманывала сама себя: она знала причину странного самочувствия. Нарыв назрел и готов был лопнуть, извергая потоки гноя. Правда плавала рядом, и чтобы увидеть её, нужно было лишь повернуть голову. Только сделать это оказалось страшнее всего. Потому что эта истина изменит и сломает всё.

Губительные эмоции прорастали всё глубже по мере того, как день снаружи похищала влажная сиреневая тьма. Казалось, что сумерки вливаются сквозь кожу, застаиваясь в венах. Наверное, именно так душа трещит по швам, теряя всё лучшее, что даровали Покровители.

Прятаться дальше нельзя.

Анацеа обессилено лежала на коврике у камина, пытаясь сопоставить домыслы с фактами. Как противостоять разрушительной силе, что в секунду уничтожила всё?! Как заставить себя поверить, что твоей вины в происходящем нет?! Ответ приходил один – никак. Потому что невозможно убедить себя во лжи. Осталось лишь согреть трясущиеся руки у огня и принимать очевидное, как данность. Пытаться принять.

Миа – не Длань Покровителей. Теперь Анацеа не сомневалась, что фатальная ошибка произошла. Три потока – многовато даже для такой необычной девочки.

Но кто тогда?

– Нет, – проговорила Анацеа в тёмную пустоту гостиной. – Нет...

«Ты знаешь это, – упрямо нашёптывали мысли. – Ты всегда знала. Открой разум. Прими это. Просто уступи себе. И пойми, что правда не всегда бывает такой, как хочется». Анацеа прогоняла неслышимые голоса из головы, заставляя себя концентрироваться на танцующих в темноте языках пламени, но они возвращались. И с каждым разом прилив оказывался более мощным. И всё больше сил требовалось, чтобы поднять голову над океаном смятения и вдохнуть воздух.

Младенец. Младенец с полным ртом зубов...

«Ты знаешь это. Впусти ответ в свою голову, Анацеа!»

Покойная мать всегда говорила, что смирение – главное оружие женщины. И только теперь Анацеа поняла мудрость этих слов. Но не слишком ли часто приходилось Анацеа Бессамори мириться с откровенными издевательствами Покровителей? Но иного выхода и на этот раз не намечалось. Только один: принять. И, может быть, простить.

Она догадалась ещё тогда, просто не позволила правильным выводам выйти из тени эгоизма. Анацеа вспомнила злосчастный день. Озадаченное и одновременно рассерженное лицо Мии напротив. Непозволительная дерзость, рвущаяся изо рта девчонки. Портал, задрожавший в воздухе, едва дверь распахнулась и зашла... Кантана?

Да. Кантана.

Правда накрыла, толкнула в бушующий океан и поволокла в водоворот, но, как ни странно, не принесла боли. Если бы Анацеа спросили об этом, она наверняка отрицала бы, но она приняла этот факт уже давно. Гораздо раньше, чем позволила мыслям очертить его в красках и породить вывод. Лелеять надежду на хороший исход всегда приятнее, чем смотреть в лицо горькой правде.

Восемнадцать лет Кантана жила с ней бок о бок. Восемнадцать лет младшая дочь молчала. Не каялась, не просила совета, не умоляла укрыть. Просто молчала. Осознавать это было намного больнее, чем избранность дочери.

Кантана – Длань Покровителей. Всё встало на свои места и теперь казалось очевидным и отчётливым! И как можно было быть настолько слепой?!

Анацеа перевернулась на бок и застонала в нагретый воздух. Встать не хватало сил. Всё-таки убедить себя во лжи возможно.

Фиолетовая слюда заволокла небо. Молнии рвали тёмные облака на куски. Когда они прокрадывались сквозь завесу туч, вспыхивая белизной, и освещали гостиную, накаляя воздух, становилось жутко. От пустоты, скопившейся внутри. От яда недоверия.

4

Стоило только ногам коснуться пола, как снаружи зашумел ливень. Раскат грома спрессовал воздух, распространив запах озона. Что ни говори, всё происходит своевременно.

Кантана ловко сиганула в окно вслед за ним. Торопливо закрыла ставни, погрузив помещение в полный мрак, и шумно перевела дыхание.

– Бр-р... – процедила она брезгливо.

– Промокла? – выдавил Нери во тьму.

– Есть немного, – Кантана шмыгнула носом. – Мы так и будем в темноте стоять?

– Это у тебя надо спросить, – Нери наконец нашёл опору у стены и теперь не чувствовал себя подвешенным в невесомости.

– А как же твой волшебный пипидастр? – удивилась Кантана.

– Что-что, прости? – фыркнул Нери, преодолев удивление.

– Доставай волшебный пипидастр, – Нери почувствовал, как наглые ручонки ощупывают его в темноте.

– Ты с ума сошла? – он не без возмущения отстранился. – Что за жаргон? Что за запросы?

– Что такого-то? – не поняла Кантана. – Он ведь прекрасно светит в темноте. Лучше свечи, намного. Когда ты осветил мне в лицо, я чуть не ослепла.

– Ты про... – Нери прыснул, – коммуникатор?

Нери осторожно извлёк из кармана джинсов коммуникатор. Он держал его выключенным с того момента, как они вышли в новый мир, ожидая, что однажды сохранившийся заряд аккумулятора сможет его выручить. И вот, подходящий момент наступил. Дисплей коммуникатора мягко засветился во тьме, озаряя пространство. Свет пульсирующим потоком оттолкнулся от напуганного лица Кантаны, выхватив её мягкие черты.

Они находились в полукруглой комнатке с мраморным полом. Луч отпрыгнул от стены, осветив потрескавшуюся штукатурку с объёмной лепниной. Прямо по курсу чёрным квадратом зиял дверной проём. На косяке справа моталась, повиснув на единственной петле, тяжёлая дверь.

– Что это было за здание раньше? – не удержался от вопроса Нери. Он разглядывал ветхие обломки мебели и обрывки бархата, заботливо сгруженные в дальнем углу.

– Говорят, что дом культуры, или что-то в подобном роде, – отозвалась Кантана. – Может, так оно и есть. Помнишь библиотеку?

– Никогда её не забуду, – недовольно буркнул Нери, вспоминая не самую приятную ночь в своей жизни.

– На одном из этажей я видела почти уцелевший рояль, – поделилась Кантана. – Там ещё кресла стоят рядами. Словно раньше здесь давали концерты.

Она поддела ногой проплесневелый осколок и с отвращением отпихнула его в угол. Послышался неприятный шорох. Из вороха обломков и ветоши вылезла, недобро сверкая бусинками глаз, жирная крыса. Семена лапками по мрамору, животное нырнуло в щель стены. Голый хвост юркнул следом, подобно изворотливой змее.

Кантана фыркнула, прикусив губу. Нери инстинктивно сделал несколько шагов назад.

– Тут такого добра полно, – пробормотала Кантана, снова обретая былую уверенность, – особенно внизу.

– Я помню, – Нери отвёл взор, – не слишком приятный сюрприз.

– Давай я пойду вперёд? – Кантана, не дожидаясь ответа, выхватила из рук Нери мультимедийный коммуникатор. Экран тут же замигал и погас. В помещение вернулась насыщенная темнота.

– Защита сработала, – сообщил Нери спокойно. – Антивор. Отдай, пожалуйста. Он активен только в моих руках.

Кантана нехотя нащупала в темноте его руки. Нери был рад тому, что она не видит его покрасневшего лица. Холодок знакомого корпуса обжёг вспотевшую от волнения ладонь.

Не слишком ли часто она стремится к физическому контакту?

Дисплей снова загорелся широким прямоугольником. Фотография хорошенькой блондинки растянулась по нему, снова вызвав приступ тоски по дому.

Кантана с любопытством заглянула через плечо в дисплей. На губах её заиграла лукавая улыбка.

– Кто эта девушка? – поинтересовалась она. – Как она поместилась в такую маленькую коробочку? Почему не шевелится?

– Не имеет значения, – Нери махнул рукой, пытаясь отвязаться от неудобных вопросов. Она не должна знать, что скрывает это фото на самом деле. – Пойдём!

Теперь хотелось любой ценой отвлечь внимание Кантаны от болезненной темы, которую она имела неосторожность затронуть. Внутри засадило от воспоминаний, когда Нери увидел фото Лизаветы. Старая боль лежала за плотно закрытой дверью, из-под которой проглядывала тонкая полоска света. И, кажется, Кантана купилась на этот смутный призрак жизни и теперь хочет открыть его запретные замки. Становилось страшно от мысли, что она сможет увидеть всё то, что за ней скрыто... Потому что она точно знала, как.

Но, может, это будет к лучшему. Отчаянно хотелось, чтобы хоть кто-то распахнул эту дверь: настойчиво и упрямо, но не с ноги. Слишком много хлама за ней скопилось. И ценного, потерявшегося в горах мусора.

Они пересекли комнату, перешагивая через кучки лежалого крысиного помёта и ветошь. Нери осторожно толкнул дверь. Та едва подалась, издав грозный скрип. Перед путниками расстелилась лестничная площадка, обрамлённая мраморными перилами. Глубокие трещины в камне угрожали с минуты на минуту обрушить всё великолепие. Вниз вела широкая лестница.

Некогда белоснежный, гладкий мрамор, которым были вымощены ступени, посерел и запылится от времени. Растрескавшиеся стыки плит обнажали шероховатый бетон.

– Вот мы и на Пути, – не удержался от ироничного комментария Нери, – ты ведь этого хотела, так?

– Я не тянула тебя сюда, заметь, – усмехнулась Кантана. – Ты сам за мной увязался.

Как же тонко она умеет играть на струнах его воли! Нери внезапно почувствовал себя сломленной марионеткой в цепких пальчиках юной госпожи Бессамори. Сдавленно зарычав, он сжал кулаки.

– Ты всегда так нахально используешь людей? – выдавил он сквозь зубы, стараясь тщательно подобрать выражения.

– Нери, не бесись. Ты сам пошёл за мной, – Кантана мягко улыбнулась. – Будь осторожен: тут всё ветхое и держится на честном слове.

– Уже вижу, – Нери издевательски ухмыльнулся в ответ. – Трещины сплошные.

Нери осторожно поставил ногу на первую ступень, освещая путь мультимедийным коммуникатором. Кантана уверенно шла следом, подобрав юбку.

– На первом этаже – печать, – предупредила Кантана. – Если считать сверху, седьмая ступень. Пустишь меня вперёд. Я сниму её.

– И откуда у тебя ключ, скажи на милость? – Нери дерзко взглянул на неё. – Только не говори, что непосвящённым разрешают пользоваться магическими артефактами.

– А такими не разрешают вообще никому, кроме членов Совета, – усмехнулась Кантана. – Моя мать обронила его в саду, а я нашла.

– Нашла и не вернула? – Нери осторожно переставлял ноги, опасаясь споткнуться и полететь вниз. – Значит, украла?

– Если вещь попала тебе в руки, и никто об этом не знает, зачем её возвращать? – Кантана хрипло рассмеялась в полумраке.

– Азаэль наверняка выведет всё! Он запросто тебя выдаст. Я бы на твоём месте ему не доверял...

– Да ладно, – Кантана хихикнула. – Он на моей стороне с самого начала. Поверь, у меня есть методы, чтобы держать этого бедолагу при себе, не давая сбежать.

Коммуникатор в руке Нери на мгновение погас. Внезапная тьма окружила, и Нери чуть не споткнулся на ступенях.

– Дурацкий ждущий режим, – прокомментировал Нери, снова возвращая коммуникатор в боевую готовность. Экран замерцал цифровым сиянием. Фотография растянулась по рабочей поверхности.

– Нери, – внезапно проговорила Кантана, не спуская взгляд с экрана, – у вас ведь были отношения?

Нери опешил. Тело словно окатили чаном ледяной воды. Он так эффектно ушёл от нежелательной темы, а в итоге оказалось, что его собеседница куда более настойчива, чем он предполагал! Голени задрожали.

– Очень давно, – соврал Нери, чтобы хоть что-то сказать.

– Лукавишь, – Кантана ехидно сощурилась. – Вижу, что ты нечестен со мной. Она ведь ждёт тебя по ту сторону, да?

– Не ждёт, – отрезал Нери, отводя взгляд.

– Она подобрала себе другого мужа? – продолжала Кантана допрос. Интонации её голоса звучали настолько располагающе и тепло, что Нери невольно захотелось ей довериться. Только он по-прежнему отдавал себе отчёт в том, что любое сказанное им слово может быть использовано против него же самого.

– Мы сами выбираем себе партнёров для отношений, – Нери тщательно строил предложения, игнорируя эмоции, пробивающиеся сквозь подтаявший пласт льда. – Она покинула меня, потому, что у меня неидеальная генетика.

– Генетика? – Кантана удивлённо вскинула брови.

– То есть, у меня могут родиться тяжелобольные дети, – пояснил Нери, по-прежнему не поднимая глаз.

– Откуда ты знаешь? – удивилась Кантана. – Ты не соблюдал Устоев и Положений? Гневил Покровителей?

– Если бы всё этим определялось, – опустив руки, Нери хлопнул себя по бёдрам. – То, что вы считаете учением Разрушителей, даёт ключи ко многим вопросам.

– Не будь так горделив, – ответила Кантана. – У нас есть доступ к знаниям, о которых вы даже не имеете понятия. Всё потому, что мы отrekliсь от Разрушения.

Стены, покрытые толстым слоем растрескавшейся штукатурки, медленно уплывали назад. Время от времени, в тишине всплывал шорох: крыс тут действительно было навалом... Под ногами хрустели мелкие камушки. От насыщенного запаха сырости и вековой пыли чесалось в носу.

– Но ты-то не отреклась, – едко проскрипел Нери. – Благодарю своих Покровителей, что тебя никто не засёк. С твоим стремлением прыгать на одних и тех же граблях, не делая выводов, это поистине удивительно.

– Несчастный ты, – выдохнула Кантана то ли с состраданием, то ли с сарказмом, – так молод, а уже потерял.

Нери не хотелось знать, что означали её слова.

Площадка под ногами внезапно оборвалась, переходя в глубокий разлом. Противоположный берег проглядывал сквозь тьму метрах в четырёх впереди. Лишь ближе к стене сохранилась небольшая перемычка между двумя островками.

– В прошлый раз пол был целым, – отметила Кантана. – Всё обветшало.

– Я помню, – Нери кивнул, освещая зияющую пасть пропасти, обрамлённую мраморными осколками зубов. – Недолго башенке осталось.

Кантана предусмотрительно отошла назад, прижавшись к проплесневелой стене. Нери нехотя последовал её примеру.

– Нери, – Кантана смело вскинула лицо и ошпарила его взглядом, – я же вижу, что ты хочешь поговорить об этом. Хватит мельтешить и уходить в сторону.

Они медленно перемещались вдоль стены, преодолевая пропасть разлома. Из разверзнутой темноты разило сыростью и мелом. Мелкие камушки сыпались из-под их ботинок, срываясь с края и улетая в пустоту. Казалось, что тонкая перемычка пола может в любой момент обрушиться под ногами, предав их тела смерти. И это жуткое ощущение было куда явственнее обступившей темноты.

– О чём? – вырвалось у Нери. Кантана, похоже, знала о нём больше, чем он мог себе вообразить. Сейчас она читала его, как раскрытую книгу.

– Включать дурочку – моя прерогатива, Нери, – Кантана остановилась на полпути и тепло улыбнулась.

Комок встал в горле. Дрожь в коленях стала невыносимой. Нери глубоко вдохнул и остановился, прижавшись к стене.

– Ты изменился в лице, когда включил волшебный пипидастр, – пояснила Кантана. – И когда увидел эту девушку. Я лишь хочу помочь выпустить твою боль. Если не хочешь этого, можешь молчать и дальше.

Удушье сдавило плечи Нери. Эта девушка, конечно, не самого интеллектуального пошива, но её пронизательность сражает наповал!

– Может, ты ещё и мысли мои читаешь? – прохрипел он. Его трясло, и он изо всех сил старался контролировать реакции.

Кантана одарила его вопросительным взглядом. Всё та же добрая улыбка скользнула в уголки её рта.

– Я просто пыталась немного подлатать пропасть между нами, – произнесла она. – Продолжать отношения в прежнем ключе губительно, ведь сейчас мы за одно.

– Мои раны кровоточат, – выпалил Нери, сам от себя такого не ожидая. – Не ковыряйся в них.

Он замолчал. Все непроходимые депрессии и страдания, бессонные ночи и головные боли уместились в жалкую пару фраз. И как тяжело было признать это! Но тяжёлый груз, тем не менее, был сброшен с души. Волна жара отступила. Нери торопливо перевёл дыхание, борясь с удушьем:

– Ты ведь этого от меня добиться хотела?

– Прости, – сухо выцедила Кантана.

– Мне легче, – подытожил Нери, пытаясь сгладить неловкость.

– Так-то лучше, – былой задор и ехидство покинули Кантану. – Пойдём дальше.

Они осторожно преодолели остаток пути и вождёленно перенесли ноги на площадку. Нери последние шаги дались сложнее: дрожь в коленках всё ещё давала о себе знать. Последние камушки улетели в темноту с лёгким поскрипыванием. Нери услышал, как они ударились о пол первого этажа, и, громко шурша, раскатились по площадке.

– Да уж, – недовольно пробурчала Кантана. – Находиться здесь опасно. Кто даст гарантию, что всё здесь не обрушится, пока мы будем снаружи?

Перед их взорами предстала знакомая дверь в библиотеку: тяжёлая, резная, перекрытая поперечной перекладиной. Стены здесь выглядели ещё более устрашающе: глубокие трещины местами поросли мхом, ветхая штукатурка покрылась чёрно-зелёными налётами плесени. Разломы, как лучи, бежали по уцелевшему островку площадки, угрожая разобрать его по камушкам в любую секунду. Комья вековой паутины свешивались с потолка.

– Теперь я вперёд, – Кантана пожала плечом. Она беспринципно нырнула рукой в вырез платья, выудив знакомый кусочек пергамента. – Посвети мне.

Нери послушно направил луч света вниз, осветив ступени. Мраморная плитка местами отвалилась, обнаруживая сгустки цемента. Лестничные перила зловеще накренились наружу: казалось, что вот-вот рухнут, увлекая за собой здание, как карточный домик.

Отсчитав пять ступеней вниз, Кантана вытянула руку. Прямо под её ладонью обнаружилась светящаяся завеса.

– Двойная защита. Даже если ссылному повезёт, и он одолеет одну из печатей, вторая будет ему не по силам.

– И это – единственный путь в Пропасть? – изумился Нери.

Кантана кивнула в ответ. Свет пульсирующим пятном очертил линию её подбородка.

– Сейчас я приоткрою завесу. Будь внимателен, сосредоточься и не говори лишних слов. Мы должны пройти очень быстро.

Приложив ключ к завесе, Кантана полушёпотом пробормотала заклятие. Центральная часть занавеса померкла, слившись с затхлым воздухом. Небольшой разём, напоминающий очертаниями извилистую молнию, прорезал печать, расплзаясь всё дальше.

– Спускайся, Нери. Ты первый.

– Нашла дурака, – фыркнул Нери. – Сама первая и иди. Кто тебя знает. Не удивлюсь, если ты пыталась вызвать во мне доверие только для того, чтобы оставить по ту сторону.

– Значит, не доверяешь? – Кантана усмехнулась, накручивая на палец локон. – Если бы я хотела, то уже сдала бы тебя Совету. Мне не нужно было бы так напрягаться, чтобы ты оказался среди ссыльных.

– Ну да, конечно, – недоверчиво произнёс Нери, приближаясь. – Не сделала бы ты этого. Ты не семи пядей во лбу, но и не слишком глупа для того, чтобы подвергнуть свою шкуру опасности. А сейчас у тебя есть прекрасная возможность избавиться от назойливого шантажиста.

– Спасибо за идею, – Кантана, кажется, начинала злиться. – Но, к сожалению, даже в мыслях такого не было. Но знала бы я, что ты окажешься так колюч, непременно подумала бы о возможности избавиться от тебя.

– Ну, так опровергни мои слова, – Нери сделал широкий жест в сторону разрыва, который уже начинал смыкаться, – иди первая!

– Давай руку, – Кантана протянула ладонь, – пойдём вместе.

Сомнение охватило Нери, однако, времени на раздумья не оставалось. Дыра в завесе стремительно сужалась, превращаясь в небольшое отверстие. Энергетические вспышки по краям разрыва искрились миниатюрными молниями, угрожая вот-вот залатать проход. Нери решительно обхватил пальцы девушки своими.

– Вперёд. И быстрее.

Быстро переступая по растрескавшейся плитке пола, они перешли на противоположную сторону завесы. Отверстие печати стремительно сомкнулось за их спинами, и преграда вновь обрела невидимость.

На последней ступени лестницы Нери резко разжал ладонь и выпустил руку из своей.

– Это ничего не значит, Кантана.

Кантана настороженно повернулась к нему. Во взгляде её сквозило недоумение.

– А что это должно было значить? – развела она руками.

Некоторое время Нери непонимающе таращился в ветхий потолок. Секунд десять спустя – смахнул со лба прядь волос и приснул.

– Всё время забываю, что у вас многое воспринимается не так, как у нас.

– И всё же? – произнесла Кантана нежно. Её тёплая улыбка была соткана из солнечных лучей, запаха травы и весеннего бриза. Сложно было поверить в то, что девушка, прячущаяся за этим чистым ликом, хитра и неблагоразумна.

– Держаться за руки – дурной тон, – пояснил Нери. – Если, конечно, мы не родственники. Или не...

– Или?

– Или не влюблённые, – произнёс Нери недовольно.

– Какие глупые законы, – пробормотала Кантана изумлённо. – Кто-то объясняет, как люди должны общаться между собой, а вы беспрекословно исполняете волю этого недалёкого?! Лишь глупцы подчиняют отношения правилам. То, что чувствует твоё сердце – вот главная догма.

– Эмоции и инстинкты не должны влиять на межполовую интеграцию, – возразил Нери. – До Перелома это не раз приводило к катастрофам глобального масштаба. К пандемии СПИДа, например. Если бы в отношениях между особями в то время были законодательно установлены допустимые пределы взаимодействия, наша история была бы иной. Но что поделаешь: дикое общество живёт по диким законам и следует лишь низменным инстинктам.

Они вышли в огромный холл первого этажа. Ряды колонн обрамляли помещение по периферии, огромные окна обхватывали периметр цепочкой пустых рам. По левую сторону ничего за ними не было видно: лишь знакомые каменные завалы, как в библиотеке. Окна правой стены пропускали внутрь скупые полосы ярко-красного закатного пламени. Мгла, царившая этажами выше, наконец рассеялась, словно открывая занавес перед границей нового мира. Мира иного, проклятого запретного; каждый шаг вглубь которого сладок, как райский плод, и болезнен, как танец на стекле.

– Может, ваши правители ещё и учёт поцелуям ведут? – надменно фыркнула Кантана.

– Ты нагнетаешь краски, – ответил Нери. – После официальной помолвки и регистрации данных об инфекционной безопасности будущие супруги могут это делать когда угодно, и никто ничего никуда не записывает.

– После помолвки?! – возмутилась Кантана. – А до? Ведь невозможно противостоять любви! Или у вас всё по расчету?

– Бывает и по расчету, – спокойно отреагировал Нери. – Но до помолвки о подобных отношениях не может быть и речи. Надо отделять зёрна от плевел. Безопасность общественной жизни должна стоять выше отвратительных низменных инстинктов. А ещё за это наказывают.

– Да как вы там вообще живёте?! – Кантана надула губы. – Как можно отчитываться за каждый свой шаг и позволять распоряжаться собственной жизнью?!

– Да, ты точно не смогла бы жить в нашем обществе, – парировал Нери. Его голос эхом отозвался в ограниченном пространстве зала. – Ты даже здесь преступаешь все дозволенные черты.

– Ограничения – для ограниченных, – глубокомысленно изрекла Кантана.

Они подошли к массивным резным дверям. Плотное некогда дерево местами рассырело и дало трещины. Лакированное покрытие двери истёрлось и покрылось шероховатыми проплешинами.

– Ты у цели, так? – Нери приподнял бровь. – Добилась-таки своего, но по-прежнему не знаешь, зачем тебе это? Решила хоть, что делать будешь?

– Может, ты что-то решил? – Кантана умоляюще посмотрела на Нери.

Нери разъярённо выдохнул. Плечи напряжённо дёрнулись.

– Не я тебя сюда потащил, – произнёс он с осуждением в голосе. – Поэтому не перекладывай на меня ответственность за собственную глупость.

– Я не заставляла тебя сопровождать, – Кантана сложила руки на груди. Улыбка, играющая в уголках её рта, теперь не отдавала приторным дружелюбием.

– Натворила бы дел без присмотра, – буркнул Нери, толкая дверь. – Каждое твоё слово надо контролировать.

Яркий свет заходящего солнца резанул по глазам, вьёвшись в сетчатку. Из-за скоплений грозовых туч лучи казались особенно пронзительными. Нери сморщил нос. Слёзы потекли по щекам. Обернувшись через плечо в попытке защитить глаза, он заметил, что Кантана вытирает лицо.

– И куда теперь? – спросил он. – Знаешь?

Кантана кивнула, указав на побережье. Вдоль кромки воды извивалась тропка. Метрах в пятидесяти, перпендикулярно линии прибоя, тянулось длинное и высокое сетчатое ограждение. Свободным краем оно уходило далеко в воду, другим – упиралось в завал. Ближе к подъёму ограду разрезали ворота, которые в этот час были заперты. Дозорные стражники сновали близ выхода, вооружившись ружьями. Ни одной знакомой фигуры Нери не заметил.

– Где же твой неотразимый Азаэль? – Нери сделал размашистый жест в сторону ограждения. – Или эти тоже тебе во всём потакают?

Кантана заметно побледнела, сомкнув пальцы в замок.

– Подожди здесь, – приказала она. – Не показывайся им.

Прежде, чем Нери успел хоть что-то сообразить, она рванула к воротам.

5

Гроза снаружи разбушевалась не на шутку. Набрякшее сизое небо угрожало обрушиться на город. Непрозрачная стена ливня скрыла силуэты яблонь. Гром надрывался так близко, что стёкла вибрировали от каждого раската.

Миа оторвала пальцы от стекла. На запотевшей поверхности задрожали четыре точки. Секунду спустя они размазались и выпустили ложноножки. Желание написать на стекле мольбу о помощи быстро отступило: помогать было некому. Теперь некому.

Молния взорвалась за окном, окрасив ветви яблонь пронзительно-белым. В глазах замелькали зайчики. Голова опустела: мысли не шли. Каждая попытка привести дробь к общему знаменателю заканчивалась падением в пустоту. Лишь одна догадка давала знать о себе, всплывая перед глазами неонем: это конец. Конец новой жизни, которая так и не успела начаться и развернуться полной палитрой.

На подоконнике остывал ужин. Щедрый ломти настоящей баранины и тушёный картофель под шапкой густого соуса. Пряный аромат специй крался по комнате. Миа с пренебрежением скривилась: хотя бы голодной не оставила. Но кто знает, что готовит завтрашний день. Как ни странно, есть совершенно не хотелось. Словно вырвали из реальности и оставили позади настоящего момента. И беги – не беги, всё равно не нагонишь.

С каждой секундой Миа отползала от уходящего состава дальше и дальше. Последний раз она чувствовала подобное когда всё закончилось. Семь месяцев назад. Сегодня всё вернулось.

Жёлтый бумажный квадратик выглядывал из-за ободка тарелки – кусочек старой бумаги с оборванными сторонами. Потянув за краешек, Миа вытащила записку из-под блюда. Вот уже третий час она перечитывала слова, небрежно вычерченные гибкими круглыми буквами. Чернильные пятна расплывались на вершинках завитков. «Я спасу тебя», – пафосно выкрикивал текст.

– Спасёшь? – пробормотала Миа, комкая бумажку в ладони. – Что-то не спешишь.

Она шмыгнула носом, чувствуя, как слёзы подступают к уголкам век. Три долгих часа с момента, как заветная записка подлезла под дверь, растянулись и перешли в глухую вечность. Минутная стрелка мотала круги на часах, дождь то начинался, то прекращался, но ничего не происходило. За окном по-прежнему цокали капли, накрапывая по подоконнику грустный мотив. Тишина в коридоре, как и раньше, не нарушалась и шорохом.

Мии уже было всё равно, вызволят ли Нери её из проклятых четырёх стен или нет. Более того, сейчас она ни за что не позволила бы ему освободить себя из заточения. Легла бы на порог, но прогнала бы предателя прочь! Нери допустил то, что случилось, хотя мог бы быть настойчивее! Зря она полагалась на него, считая другом.

И до чего же больно чувствовать, как разбиваются иллюзии.

Впору было броситься на кровать и завывать в голос! Но это настолько осточертело за день! Оставалось лишь отдавать себя молчаливым минутам отчаяния и пытаться не сойти с ума.

Справляться с досадой получалось плохо. Злость закипала в животе. Неужели Кантана для Нери дороже, чем подруга из старого мира?! Как он посмел оставить её в опасности? Горячие дорожки побежали по щекам, и Миа инстинктивно подняла ладонь, чтобы вытереть лицо. Анацеа ведь нужна была лишь информация! Почему Нери не мог дать ей необходимое?! К чёрту мораль! Не факт, что госпожа Бессамори отвела бы собственную дочь на четвертование.

– Госпожа Бессамори! – выкрикнула Миа в пустоту, надеясь, что Анацеа услышит её. – Госпожа Бессамори, снимите печать!

Ей ответила лишь глухая тишина, перемешанная с тихим накрапыванием дождевых капель о стекло.

– Выпустите меня, пожалуйста! – прокричала Миа чуть громче. – Я скажу вам всё.

Звук разлетелся эхом по углам, заставив задрожать. Ужас от содеянного прокрался по спине и сомкнул руки на горле. И, хотя назад пути не было, говорить Миа не собиралась. Разве что, заболтать госпоже Бессамори зубы ерундой, когда она войдёт в комнату. Нужно попроситься выйти под каким-нибудь предлогом, а там...

Но коридоры по-прежнему молчали. Словно Миа осталась одна в доме. Кто знает?

Пелену дождя под окном прорвал чёрный силуэт. Из кустов показался Азаэль. Его плечи и голову закрывала толстая куртка с капюшоном. Как всегда, нефелим тащил за собой грабли. Интересно, зачем они ему?

– Азаэль! – прокричала Миа, забарабанив по стеклу. – Азаэль! Я тут!

Словно услышав её голос, Азаэль вздрёнул острый подбородок. Лохматые волосы выбились из-под капюшона и, в мгновение намокнув, упали на лицо. Серебряные радужки устали точно на неё, совсем как в тот день, когда они с Анацеа впервые ездили на Совет.

– Азаэль! – обрадовано закричала Миа, размахивая рукой. – Я здесь! Здесь!

Склонив голову, Азаэль едва заметно пожал плечами. Ни одна эмоция не разбавила его холодной гримасы. Видит ли он её?

– Вытащи меня! – закричала Миа сквозь слёзы, отчаянно забарабанив в стекло. – Пожалуйста! Вытащи!

Тёмная фигурка внизу опустила голову, развернулась и быстро зашагала прочь, волоча следом грабли. Несколько секунд спустя дождь проглотил Азаэля, оставив в память о его присутствии лишь вытопанные ямки в грязи. Да и те ливень быстро заливал, сравнивая с землёй.

Такого поворота событий Миа не ждала совершенно. Незримый спутник, что сопровождал её в самый тяжёлый период жизни; лучший друг, который умел внимательно слушать и вдохновенно отвечать, просто не отреагировал на мольбу! Вот и верь после этого другим...

– Гадёныш, – процедила она сквозь зубы. – Отродье бескрылое. Жертва науки. Да я тебя...

– Кантана, – неожиданно донёсся снизу обеспокоенный возглас Анацеа. Звуки казались ватными и податливыми. Казалось, что голос прорезает пространство и время, глухо звуча из далёкой галактики. – Кантана, где ты?

– Госпожа Бессамори, снимите печать! – завопила Миа в полный голос, изо всех сил стараясь, чтобы интонации не казались плаксивыми. – Снимите! Мне нужно в ванную!

– Кантана?! – повторил голос уже громче. В нём слышалось пронзительное беспокойство. – Кантана, ты дома?! Ответь мне!

– Да снимите эту дурацкую печать, в конце-то концов?! Вы меня слышите?! Перестаньте корчить из себя тирана! Не поможет!

– Кантана, – уже тихо и разочарованно простонал голос в ответ.

– Замкни мои контакты!

В отчаянии Миа пересекла комнату и распахнула дверь, пытаясь метнуться в коридор. Завеса рунической печати, проявившись сеткой изумрудных нитей, удержала её внутри и отбросила назад. Лёгкое покалывание побежало по коже. Мию передёрнуло. Швырнув на пол скомканную записку, что всё ещё сжимала в кулаке, как талисман, она кинулась на кровать.

6

Прибрежный ил, вобравший в себя ливневую воду, источал запах псины. Кантана неслась по мелкой гальке к заграждению. Страх опустошил голову. Не лучший момент для воплощения планов, однако, пасовать поздно. Вот что значит не успеть сдать вовремя. Придётся импровизировать на ходу.

Силуэты стражников впереди казались рваными и размытыми от ветра. Мелкие камушки, хрустя, стреляли из-под подошв и разлетались по сторонам. Наверное, стоило взять Нери с собой. Он, конечно, сорвал бы самые изысканные планы, но и завратиться до абсурда не дал бы. Сейчас Кантана не была уверена, что ложь будет чёткой.

– Азаэль! – закричала она отчаянно, когда стражники, заметив её, подняли ружья. – Азаэль! Пожалуйста... Мне нужна помощь!

Грозовой купол вспучился над головой, угрожая ударить дождём. Ливень, впрочем, был бы очень кстати. Вдалеке сверкнула молния, придав небу холодный фиолетовый отлив. Разряд растаял смутными отблесками в беспокойной океанской воде.

– Младшая Бессамори, – произнёс один из дозорных, опуская ружьё. – Кто пустил тебя сюда, малышка?

– Уж не спёрла ли ты рунический ключ? – хихикнул второй – грузный, с щербатыми щеками, поросшими рыжей щетиной. Интонации его голоса заставили остолбенеть от ужаса.

Кантана проглотила страх вместе с вязкой слюной. Крепкий смрад мужского пота проник в нос. Каждая пронзительная секунда тишины приближала её к трибуналу. Нет! Нельзя заставлять язык замолкать ни на секунду!

– Мама! – сочиняла на ходу Кантана. – Мама и Тиарэ там, на Пути! Они вас зовут... Азаэль!

– Азаэля нет сегодня, – заметил первый дозорный. – Он попросил подменить его.

– Я уже вижу, – Кантана успела так войти в роль, что ощутила солёное щипание в уголках глаз. – Значит, это точно он... На третьем этаже. Ему перегрызли горло. Мама и Тиарэ с ним. Тиарэ предположила, что кто-то из ссыльных бежал, и велела позвать вас, чтобы прочесать Башню!

Дозорные озадаченно переглянулись. Кантана едва подавила удовлетворённую улыбку: уж она-то знала, что хранят эти взгляды. Пока всё идёт по плану. О такой помощи Покровителей она и не мечтала!

– Не врёт ли девчонка? – рыжий толстяк хитро сощурился.

– С чего ей врать? – пожал плечами его товарищ. – Дочери члена Совета! Она никак не могла бы оказаться здесь, если бы с ней не было матери.

– Что они тогда на Пути-то забыли? – снова возразил рыжий. – Странно всё это.

– Несколько дней назад сюда привезли сына Анацеа. Возможно, мамочка хочет его в семью вернуть...

– Эй, ты, – выпалила Кантана, едва не выйдя из роли испуганной девочки от раздражения. – Не смей говорить с таким пренебрежением о моей матери! Лучше ступай и помоги ей! Тебе это зачтётся и перед горожанами, и перед лицами Покровителей. Как бы беглецы не растерзали их с Тиарэ, пока вы тут сопли жуёте!

– Пошли, раз так, – бросил рыжий сотоварищу. – Девчонку лучше будет оставить здесь, пока мы всё не уладим. По крайней мере, тут ей пока ничего не угрожает.

– Не угрожает, – хмыкнул второй стражник, – ага, как же. А если какой бунтарь на ограду полезет? Думаешь, она его удержит? Я не хочу отвечать за шкуру глупышки перед её матерью.

– Если мы упустим порченных, нас по голове и так не погладят! Так оставайся с ней и оберегай, коли волнуешься!

– С ума сошёл? Ты самоубийца один идти?! А вдруг там беглецов целая толпа? Раз уж Азаэля порешили...

– Я справлюсь одна, – выступила Кантана. Фальшивые слёзы бежали по щекам, принося странное чувство удовлетворения и самодовольства. Обхватив себя за плечи, она пыталась создать иллюзию дрожи ужаса. – Правда, справлюсь. Главное, чтобы с мамой всё было хорошо! Я очень боюсь за них.

Протяжный раскат грома сотряс воздух, рассеяв вокруг градины басовых нот. Кантана с сомнением посмотрела в небо, налитое закатной кровью. Кажется, буря не собиралась отступать.

– Вот что, малышка Бессамори, – подумав, рыжий протянул своё ружьё, – возьми-ка от греха подальше. Если кто-то из этих порченных умников полезет на ограду – стреляй на поражение. Ничего тебе за это не будет – их жизни навек обесценены. Только без фокусов. Как бы там ни было, Покровители не поощряют насилие. Поняла?

– П-поняла, – Кантана утёрла набежавшие слёзы ладонью и не без удовольствия приняла ценный дар. Лучше и быть не могло. – Прошу, возвращайтесь быстрее!

Подгоняя друг друга, стражники побежали ко входу в Башню. Камушки под подошвами тяжёлых ботинок отзывались пронзительным хрустом. Слишком поздно Кантана сообразила, что своей импровизацией могла подставить под удар Нери. Однако, надежда на то, что сообразительность поможет ему спрятаться, перевесила страх. Когда дозорные скрылись за покосив-

шимися дверями, ужас, наконец, отступил: Нери у ворот видно не было. Успел-таки укрыться. И хорошо: эти двое разнесли бы его в клочья, не задумываясь и не раскаиваясь.

Порывы ветра усилились. Небо над головой вспухло багрянцем сгустившихся туч. Холодные капли снова закололи кожу.

Кантана судорожно сжала ствол ружья. Она не знала, сколько времени придётся потратить на поиск брата, а драгоценные секунды быстро таяли. Нужно действовать, пока Нери не успел оклематься и сообразить, что к чему: этот заносчивый гадёныш точно сорвёт самые сладкие планы. Не мешкая, она рванула к ограждению и принялась карабкаться на металлическую сетку. Ружьё, болтающееся на кожаном ремешке, мешало подниматься, тяжёло стуча по бёдрам и оттягивая тело назад. Оборки юбки цеплялись за обломленные проволочные выступы, металлические обрывки с треском драли тонкое кружево. Не счесть, сколько платьев попорчено за последние несколько дней... Спасибо тебе, Нери 42.

Чертыхаясь, Кантана скинула с плеча ремешок и осторожно опустила оружие на землю. Металлический ствол заскрежетал по гальке. Вправду, зачем бояться ссыльных? Они такие же люди! Тиарэ ходила сюда в одиночку, Азаэль – тоже. Если она понесёт с собой ружьё, шансов, что ссыльные накинутся на неё без предупреждения, больше. А сейчас она идёт с миром. Открытое сердце всегда распахивает другие сердца. Стая бродячих собак не бросится на тебя, если не будешь вести себя вызывающе.

Почтенные Покровители, что за хульные мысли! Элатар – не собака!

Кантана перекинула ногу через сетчатое ограждение и утёрла пот со лба. Металлическая оплётка хищно впилась в бедро, не дав передохнуть. Что ж, может, оно и к лучшему. Перетянув богатые складки юбки на другую сторону забора, Кантана бесстрашно сиганула вниз. Сапожки чавкнули по земле, стрела упругой боли пронзила колени.

Пути назад теперь не было. Впереди грязной скатертью расстелилась Пропасть – проклятая обитель изгнанных. Часть берега близ ограждения оккупировала влаголюбивая растительность. Голые ивовые прутья невероятной длины стежками прошивали небо. Вязкий запах трясины наполнял воздух: даже буйные потоки ветра были бессильны перед ним.

Протопав добрую сотню метров по шуршащей гальке, Кантана, наконец, вышла на ровную плешь. Берег здесь уходил вверх, перетекая в невысокие холмы, примыкающие к линии воды. Пенистая волна яростно билась о камни, поднимая вереницу брызг. Растительность поодаль от берега редела: лишь хилые, оборванные пучки непонятного кустарника, похожие на вшивые колтуны, обнимали подножие обрыва.

Деревянные хижины с замшелыми крышами рядами тянулись вдоль линии воды. Одинокие фигуры ссыльных сновали меж проплесневелых стен, как муравьи. Бесконечные серые кровли вымачивали черепицей линию горизонта. Влажный воздух хранил отвратительный горький запах жжёного.

Странно: импровизированные улочки не пустовали, но никому из местных жителей не было дела до Кантаны. Никто не побежал ей навстречу и даже не посмотрел в её сторону. Возможно, ссыльных часто посещала охрана и подчинённые Совета...

Возможно, их жестоко наказывали за любую попытку показать, что они ещё живы.

Кантана медленно приблизилась к домикам. Ветер, перемешанный с разреженными каплями дождя, наотмашь колотил по щекам, вздымая волосы. Мимо, не поднимая взора, просеменили двое молодых мужчин с удочками. Они волокли по песку старое корыто, в недрах которого серебрилась крупная рыба.

– Эй, – позвала Кантана тихонько, – вы не видели моего брата? Он тут несколько дней. Его зовут Элатар...

Мужчина повыше что-то шепнул своему спутнику, и они ускорили шаг, не оборачиваясь на Кантану.

– Прошу вас! – прокричала Кантана с мольбой. Дождь забарабанил по голове, пропитывая спутанные волосы. – Помогите мне!

Один из спутников несмело обернулся, не поднимая взора на девушку. Под светлой шёлковой чёлкой мужчины горело клеймо. Он мотнул головой, отвечая на её вопрос, и, как ни в чём не бывало, вернулся к своему делу. Острое ребро корыта потянуло по песку борозду с возвышающимися краями.

Сделав несколько неуверенных шагов, Кантана погрузилась в плен узкой улочки. Запах гари перебил смрад пота и застарелой мочи. Ветхие крылечки домов спускали лестницы к её ногам. Завидев девушку, ссыльные спешили укрыться, словно им было, о чём молчать. Кто знает, возможно, они объявили негласный бойкот тем, кто остался наверху, за свои разрушенные судьбы.

Венчая её мысли, сквозь свист ветра прорвался пронзительный плач ребёнка. Кантана задрала голову в темнеющее небо, вслушиваясь в высокий звон младенческого голоса. Детей не могли сослать до двенадцати полных годовых циклов, согласно Устоям. Так значит...

Ответ был элементарнее умножения на ноль. Этот плач – гимн протеста изгнанных против жестоких законов Девятого Холма. Это – крик новообретённого счастья в ссылке. Счастья в кругу единомышленников, среди тех, кто не смог смириться и бездумно преклонить колени.

Среди таких же, как она сама.

«Лучше быть с клеймом во лбу, но живым среди настоящих», – зазвенел в ушах голос брата. В тот вечер Кантана не придавала значения его словам, но теперь она хорошо понимала, что Элатар имел в виду. Он никогда не знал сладкого вкуса полной жизни наверху. Он позволял Анацеа вершить свою судьбу, а за спиной проклинал её за стремление контролировать каждый шаг. И, конечно, ненавидел себя за слабость и неспособность противостоять натиску. Последнее слово Элатара на Посвящении Эладе озарилось его самым ярким личным триумфом. Ссылка в Пропасть стала для него не наказанием, а долгожданным освобождением.

Так может, место, уготованное ей Покровителями – здесь?

Громкое, настойчивое постукивание, доносящееся со стороны одной из хижин, отвлекло Кантану от размышлений. Она застыла посреди проулка, опьянённая тошнотворным запахом мусора и рассыревшего дерева. Лишь когда стук повторился, Кантана поняла, что послание адресовано ей.

Кантана несмело развернулась. На крыльце двухэтажной лачужки, что примостилась у края галечного тротуара, подпирая навесом крыши небосвод, стояла молодая женщина. Распахнутые серые глаза смотрели на Кантану, не мигая. Что-то до боли знакомое сквозило в этом открытом взгляде, в контурах безупречно очерченных скул и в фарфоровой белизне кожи. Даже пятно клейма на лбу не портило свежей красоты изгнанной. Кантана точно видела её раньше, только не могла вспомнить, где и при каких обстоятельствах.

Неудивительно: Девятый Холм – небольшое поселение, где свободно и эффективно работает принцип двух рукопожатий. Кантана вполне могла столкнуться с этой женщиной на улице, в Наставне или на рынке, когда изгнанница ещё жила наверху, среди Избранных.

Давно ли это было?

Холодный ветер вздыбил волосы. Задержав дыхание от волнения, Кантана приблизилась к покосившемуся крыльцу. Грязь толстым слоем покрыла носы сапожек.

– Вы меня звали? – осмелилась она подать голос.

Незнакомка беззвучно кивнула, не отводя глаз. Улыбка тронула её губы. Вместо нескольких нижних зубов красовались чёрные прогалы. Даже это не портило красоты молодой женщины. В каждом жесте незнакомки чувствовались скрытая мощь, уверенность, решимость, которых так не хватало Кантане.

– Вы можете помочь мне найти брата? – Кантана с надеждой подняла подбородок. Если её лицо так знакомо, возможно, они пересекались на Девятом Холме, и незнакомка знает, как выглядит Элатар.

Женщина снова кивнула, не проронив ни звука. Роскошные ореховые волосы полетели по ветру, заслоняя лицо.

Почему она молчит?

– Так скажите, где он! – голос Кантаны задрожал. – Умоляю вас! Скажите мне!

Незнакомка повернула голову в сторону накренившегося барака в конце проулка и чуть выставила подбородок вперёд.

– В том бараке? – уточнила Кантана.

Очередной тихий наклон головы стал ей ответом.

Грозовое облако, затянувшее небосвод, наконец, разразилось оглушительным раскатом грома. Вспыхнула молния, сделал краски вокруг ядовитыми. Дождь принялся гулко наступать по заросшим откосам крыш.

Вместе с раскатом на Кантану снизошло прозрение. Теперь она знала, как зовут женщину, что стоит перед ней, добродушно улыбаясь, и удивлялась, как могла не вспомнить этого сразу.

Манарина Дрон!

Члены клана Дрон проживали на той же улице, что и семейство Бессамори, до тех пор, пока прародительница Ринадэ, хозяйка магазина колбас, не разорилась, и им не пришлось сменить богатое поместье на скромный коттедж ближе к окраине Девятого Холма. Манарина посещала Наставню в одной возрастной группе с Зейданой. Выходя с няней на утреннюю прогулку, Кантана часто наблюдала, как Манарина, необычайно стройная в чёрном одеянии, пересекает мостовую. Её чарующий взгляд и гордая поступь говорили Кантане, что доля непосвящённой – не приговор. Провожая отдаляющуюся фигуру, маленькая Кантана грезилась о том, чтобы вырасти такой же красивой и статной и притягивать столько же взглядов. «Никогда не веди себя, как она», – в противовес любила поговаривать Анацеа, грозя Кантане пальцем. Возможно, именно запрет породил тот дух противоречия, что постоянно втягивал Кантану в неприятности и умопомрачительные приключения.

Но однажды Манарина исчезла. Просто перестала появляться на улице и всё. Любопытство сжирало Кантану, и она едва держалась, чтобы не поинтересоваться причиной у матери. Но она заранее знала ответ Анацеа. Когда Кантана рискнула, наконец, спросить об этом Зейдану, та лишь закрыла лицо руками и пробормотала: «Тебе рано это знать».

Манарина встревожено вскинула голову в небеса, и в тот же момент из распахнутой двери за её спиной полился звонким ручейком уже знакомый детский плач. Маленький невинный человечек, которому не повезло родиться в пропасти, звал мать на языке, понятном лишь ему. Кантане захотелось завывать волком, сплетая с ним многоголосье. Звук младенческого голоса вырисовывал то, что она потеряла, так и не обретя.

Развернувшись, Манарина поспешила в дом, и Кантана наконец поняла, в чём была причина странной манеры общения.

Ужас полоснул сердце. Боль потянула плечи вниз, выкручивая суставы. Влажный, полный дождинок воздух комом вкатился в горло, не давая вдохнуть, а ноги отяжелели, приковав тело к земле. Кантана поспешно отвела взор. Она почувствовала себя сопричастной.

У Манарины не было рук.

Глава 2

Предательство

Приземистое здание опасно кренилось вперёд, словно наступая для атаки. Растрескавшиеся от сырости стены подёрнулись бронёй разноцветного лишайника. Доски неплотно прилегали друг к другу, и, казалось, строение может рухнуть от дуновения ветра. Грязные пучки пакли вываливались из щелей. Кое-где в баррикаду стен врезались щелевидные окна без стёкол. Двери скрипели на непромазанных петлях, показывая чёрную пасть проёма. Несмотря на бурю, никто не удосужился закрыть их.

Дворик, спрятавшийся в тени нависающего ската крыши, встретил Кантану пиками мёртвой растительности, торчащими в небо, и песчаной пустотой. Одинокие травинки мёрзли на ветру, раскачиваясь в такт горестным мыслям. Ни души не было вокруг: лишь двое мужчин у входа оживлённо спорили. Крепкий дух табака разливался по ветру метра за три от них.

– А новичок-то молодец, – донеслось сквозь свист урагана. – Не выделяется, как все богатенькие.

– Ему быстро бы сбили здесь корону, – раздался в ответ сиплый голос, прерываемый надсадным кашлем курильщика.

– Он будто бы всегда хотел быть здесь.

– Только драный Разрушитель поймёт этих богачей. Вечно с жиру бесятся.

Не поднимая глаз, Кантана скользнула мимо. У неё уже не было мыслей о том, что ссылыные могут ей навредить. Все опасения вытеснили воспоминания о детстве, неожиданно ставшие тёмными и тягостными, и размышления о судьбе Манарины – смелой соседской девушки, что всегда была для неё кумиром. Знает ли красавица из рода Дрон, что каждое буднее утро, когда она шла в Наставню, за ней подсматривала малышка, едва вкусившая прелести участи непосвящённой? Должно быть, подозревает: иначе зачем было давать подсказки и привлекать внимание. Манарина даже не побоялась показаться ей на глаза изувеченной и клеймёной.

Может быть, не красота и не уверенность в себе были для неё самоцелью?

Кантана неловко толкнула дверь по правой стене коридора. Резкий запах нечистот накрыл с головой, защипав глаза. Дверь, гулко ударившись о косяк, идеально встала в проёме.

Коридор повернул под прямым углом и привёл в длинный и узкий зал. Ветхие стены покрывал изнутри толстый слой глины. Казалось, что всё помещение занимают стоящие рядами двухъярусные кровати, сколоченные из дерева. Большинство из них пустовало: голые, грубо отполированные днища походили на распахнутые чемоданы.

– Элатар, – робко позвала Кантана, – ты здесь?

– По какому это случаю к нам пожаловала девчонка сверху? – крепкий запах курува не дал Кантане усомниться в том, кому принадлежит голос.

Не успела Кантана обернуться и дать ответ, как мир перед глазами завертелся, размазавшись горизонтальными полосами. Спина ощутила холод глиняной стены. Запах табака стал ещё гуще: от терпкой горечи перехватило дыхание. Даже душок, исходящий от Гая в роковое утро, звучал приятнее. Раздутое пузо изгнанного упруго прижалось к её животу. Щёки засвербило от шероховатости крепких мозолистых пальцев. Кантана боялась поднять глаза, зная, что увидит разъярённое, перекошенное яростью лицо.

– Развлечёмся, крошка? – закашлялся обидчик, сжимая её щёки. – Обещаю, что буду нежным.

– Боюсь, что у тебя сил не хватит! – дерзко выпалила Кантана, изо всех сил наступая ссылному на ногу. – Ты и на мужчину-то не похож!

– Сучка! – взвыл незнакомец, на мгновение отстранившись. – Ты ответишь за это сполна!

Шаги, приближающиеся из глубины зала, посеяли крупную дрожь по коже. Если кто-то сейчас присоединится к обидчику, убежать Кантана уже не сумеет. Возможно, она вернётся наверх опороченной, и ей придётся хранить страшную тайну до конца дней, доверяя её только ночи и мокрой подушке. Возможно, ей вообще не суждено возвратиться на Девятый Холм...

Выбор невелик, но выход есть. Надо бежать. Сейчас или никогда!

Но прежде, чем Кантана успела нырнуть под расставленные руки толстяка и выскользнуть в коридор, знакомый голос прорвался сквозь шум возни:

– Оставь её, Брэм. Это моя сестра.

2

– Почему он сразу тебя послушался? – пробормотала Кантана, потирая щёку. Шероховатое тепло чужих пальцев всё ещё чувствовалось на коже, и даже дождь не мог смыть отметины. – Неужели ты так быстро успел набить себе цену?

– Трогать родственников ссыльных – табу, – пояснил Элатар. – К новеньким часто пробираются родные. К этому все привыкли. Если бы ты пришла сюда просто так, тебе не пришлось бы ждать пощады.

Кантана оглядела брата. За трое суток ссылки Элатар заметно убавил в весе, однако в глазах его уже не было той чёрной, пронзительной пустоты, что пугала её последние дни перед Посвящением. Теперь радужки его лучились размеренной безмятежностью. Глядя на ветхие постройки, покрытые коростой мха и плесени, Кантана не могла представить, что здесь можно чувствовать себя лучше, чем наверху. Ведь, судя по слухам, многие кончали с собой в первые дни изгнания. Но взгляд брата заявлял иное. И почему-то Элатару верилось сильнее, чем глупым бабьим сплетням.

Они обогнули барак и вышли на пустырь у подножия холма. Сквозь дёсны растрескавшейся земли прорезались сухие колючки. Извитые линии трещин с жадностью вбирали в себя влагу. Несмотря на сырость, снова запахло горечью и гарью. Вдалеке, за серой черепицей крыш, взвился в небо новый столб чёрного дыма.

– Что там? – Кантана показала на дым.

– Сжигаем, – Элатар беспокойно закусил губу. Свежее клеймо на его лбу на мгновение стало ярче. – М-мусор. В специально отведённых помещениях под обрывом. Надо как-то очистить территорию.

– Мусор? – переспросила Кантана, усаживаясь на отлогий камень под навесом скалы. Теперь дождь не доставал до них. – Почему же мясом горелым несёт?

– Рыба, – пояснил Элатар нехотя.

Второй раз в жизни Кантане показалось, что Элатар обманывает её. Первый раз она заметила ложь брата на его свадьбе два года назад, когда он клялся в вечной верности Дериадэ. И в пылкой любви до Посвящения.

Теперь он ничего не должен своей жене.

– Много заражённых здесь? – Кантана обвела взглядом одинаковые кварталы серых барачков.

– Среди селян – нет никого, – ответил Элатар. – При малейших подозрениях на недуг Пропasti они выводят человека из жилой зоны. Заражённые заперты в хижине у границы. Это негуманно, но...

– Иного выхода нет, – вздохнула Кантана.

– Да, – отрезал Элатар. – Было и так, что они вырывались. Такое расположение укрытия позволяет дозорным быстро...

– Отправлять их к Покровителям, – закончила Кантана.

– Наверху говорят, что Покровители отреклись от нас, Кантана, – возразил Элатар. – Теперь у нас один путь. Вниз.

– Кто сказал, что мы не вправе жить по воле сердца? – Кантана обняла колени. – Положения писали люди, Элатар. Ты сам всегда так говорил, помнишь?

Молния осветила песок, сделав его на мгновение флюоресцентно-фиолетовым. Дождь полил сильнее. Мощные струи размазали очертания домиков.

– Как мама отпустила тебя сюда? – поинтересовался Элатар. – Или ты договаривалась с Тиарэ?

– Я сама пришла, – Кантана невозмутимо пожала плечами.

– Буду с нетерпением ждать тебя здесь, – Элатар позволил себе рассмеяться. – Если и дальше будешь позволять себе вольности, не удивлюсь, что уже скоро.

– Элатар, – Кантана замаялась. – Я могу выгнать тебя отсюда. Прямо сейчас.

– Да? – в глазах Элатара загорелось сомнение. – И как же ты сделаешь это? Или моя сестра летать научилась?

– Мы сейчас незаметно перейдём через рубеж и... – Кантана старательно избегала темы открытия порталов. – Поднимемся по Пути. Ключ у меня. Дозорные будут заняты ещё долго, не волнуйся.

– Но на Девятом Холме мне не жить с клеймом, – Элатар развёл руками.

– Я договорилась с одним человеком, – улыбнулась Кантана. – Она встретит нас в поле у Башни, на колеснице, и отвезёт тебя в другое место. Мы уже нашли укрытие за пределами Девятого Холма и решили все нюансы. Ты проживёшь остаток жизни вдали от дома, но среди свободных. И недуг Пропasti не будет страшен тебе больше.

Элатар, не разделяя оживления, опустил голову. Дождь за его спиной забарабанил по земле с особым ожесточением. Разбухший песок под ногами скрыл трещины, сомкнув их выщербленные края.

– Пойдём, – Кантана, с готовностью встав, посмотрела на небо. Тучи сгущались: нужно было торопиться. – Давай, собирайся. Ничего не бойся.

– Кантана, – Элатар замаялся, но голос его был твёрдым, – я уже среди свободных. Разве ты не видишь?

Он обвёл взглядом серые кварталы, спускающиеся к кромке воды. Ссылные, одетые в тряпье, суетились, спеша укрыться от ливня.

– Это вы думаете, что наказали нас, выбросив сюда, – продолжал Элатар. – На самом же деле я всегда мечтал оказаться среди настоящих. Они живы, Кантана. Мы живы. И жизнь здесь – не жалкое существование, сведённое к поклонению несуществующим идолам.

Кантана едва держалась, чтобы не разрыдаться от обиды. Слова брата были подобны пощёчине. Только болело не лицо, а душа. Предательство – оружие, которое поражает не тело.

– Как тебе может нравиться тут?! – с презрением фыркнула она. – Недуги, мор, грязь и вонища из уборной! И эти хамоватые мужланы...

– Мне всю жизнь затыкали рот, Кантана, – перебил Элатар. – Меня никто ни о чём не спрашивал. И никто никогда не слышал. Здесь я впервые обрёл себя. Я воскрес. Так и передай матери.

– Мать не узнает о том, что я видела тебя! – воскликнула Кантана. – Я, в отличие от тебя, не хочу, чтобы её сердце разорвалось!

– У нашей матери нет сердца, – взор Элатара неожиданно стал ледяным, как колючие ветра первого сезона. – Ты узнаешь об этом, когда возымеешь дерзость не оправдать её ожиданий.

– Неправда! Не...

Кантана закашлялась от густого запаха гари. Даже свежесть холодного дождя уже не могла его замаскировать. Струя дыма, тянущаяся в небо за баррикадой крыш, раздалась вширь, выплёвывая в небо кучевое чёрное облако.

– Вы ведь жжёте там не мусор, – Кантана упёрла руки в бока.

– Какое это теперь имеет значение?

– Ты же заразишься здесь! – Кантана в ярости топнула ногой. – И умрёшь вместе с ними! Как ты ещё не понял этого?!

– Значит, такова моя судьба, – развёл руками Элатар.

Минут пять брат и сестра сидели молча, не глядя друг на друга. Безусловно, Кантане было, что сказать. Только вот слова застревали на границе между мыслями и явью, никак не желая материализоваться.

За что он борется? Неужели за право самоутверждения? Но если его ошибка – плод глупых детских обид на мать, значит скоро, очень скоро ему придётся пожалеть о содеянном.

Нарастающая суэта внутри квартала неожиданно приковала внимание. Несмотря на дождь, ссыльные возбуждённо носились между строений, собираясь в небольшие группы. На клеймёных лицах отобразилось беспокойство.

– Только не это, – вздохнул Элатар над её плечом.

– Что-то случилось? – переспросила девушка.

– Да так, – голос Элатара звучал взволнованно, и Кантана поняла, что брат снова лжёт. – Ничего особенного.

Чавкающий звук шагов прервал мысли Кантаны. Из-за постройки высунулся тот неотесанный мужлан, что накинута на неё несколькими минутами ранее, в бараке.

– Элатар, – позвал он, игнорируя Кантану. Впрочем, она была только рада этому. – Ещё один. Пойдём-ка, хватит прохлаждаться!

– Я так и думал, – Элатар отряхнул дешёвые холщовые штаны.

– Не забудь маску, – выдавил мужлан.

– Маску?! – переспросила Кантана, неожиданно понимая всё.

Элатар выставил руку с напряжёнными мускулами вперёд, отрезая Кантане путь.

– Услышь меня, – прошептал он, глядя ей в глаза, – хотя бы раз. И прости, если сможешь.

Моё место здесь.

Широкая спина Элатара потерялась за полосами ливня. Каждый его шаг отдавался в сердце распирающей болью. Но Кантана сохранила достаточно гордости для того, чтобы не побежать за ним в дождь. Как ни прискорбно было это осознавать, потраченные деньги не стоили того, чтобы валяться у брата в ногах среди толпы незнакомых людей.

Всё ещё стоя под навесом, Кантана видела, как Элатар влился в небольшую группу людей и надел матерчатую маску. Собравшись кучкой, изгнанные ринулись в сторону рубежа. В последний раз окинув взглядом удаляющуюся фигуру брата, Кантана проглотила обиду вместе с терпким привкусом гари. Глаза защипало, но не хотелось думать, что причина этому – слёзы. Это дождь виноват. И по щекам бежит ливневая вода.

Ничего не оставалось, как выйти на сырой песок и последовать за ссыльными, прячась в густой тени построек. Но не потому, что было любопытно. Просто в Пропasti больше некого было искать. А значит, настало время вернуться.

3

Спасаясь от дождя под скатами ветхих крыш, Кантана кралась к рубежу. С каждым пройденным перекрёстком постройки редели, уступая место густым порослям влаголюбивых растений. Галечный пласт под ногами превращался во влажную, маркую глину. Замша сапожек покрылась желтоватой коркой грязи.

Возможность нападения уже не волновала. Приоритеты поменялись в считанные секунды. Вопреки законам здравого смысла, Кантана пыталась осмыслить причину, что заставила брата отказаться от свободы в пользу жалкого существования на дне жизни. Вопрос не давал успокоиться, звеня под ложечкой сосущей болью. Да, Элатар панически боялся высказываться и отстаивать свою позицию перед матерью, но разве одни лишь глупые принципы и гордыня могли завести так далеко?

Перед глазами неожиданно встало лицо Манарины: искалеченной, но счастливой женщины. Она точно смогла бы разрешить мучительные противоречия и указать, где истина. Если бы однажды, в другой жизни, ей не вырвали язык за то, что осмелилась быть собой.

Люди наверху не понимают, что значит свобода в широком смысле. Потому что не видят ничего, кроме золотой клетки, которую сами же себе и построили, и не знают иных вариантов. Элатар просто осмелился продраться сквозь прутья и посмотреть на вещи с позиции наблюдателя.

И кто на самом деле свободнее: Элатар или она?

Гул возни нагнал Кантану, когда она покидала поселение и пересекала границу, отделяющую жилой квартал от болотистой заводи. Голоса, прорывающиеся сквозь шум дождя и завывание урагана, звучали взволнованно. В растерянности Кантана обернулась. Колкая стена дождя, накренившись от ветра, обрушилась на лицо и заставила зажмуриться. Переведя дыхание, Кантана осмелилась открыть один глаз, а затем и другой.

Толпа ссыльных в дальней части квартала выволакивала из ветхого домика человека, обвязанного простынями. Даже не человека – тело. Кантана не раз присутствовала на ритуалах прощания и могла отличать кислое от пресного. Один вывод напрашивался на ум: кто-то из селян умер, и теперь активисты готовятся предать тело земле. Только к чему тогда вся эта паника и канитель вокруг самого заурядного события?

Изгнанные расталкивали друг друга, стараясь отойти подальше от мужчин, волочащих тело. Лица их закрывали маски. Не без удивления Кантана заметила в кишасем столпотворении брата. Элатар вместе с парой молодых парней выносил из дома умершего мелкие предметы мебели и расставлял у крыльца. Заметив Кантану издали, он отвернулся, словно не имел к ней ни малейшего отношения. Так, будто презирал её за попытку вызволить на свободу.

Что ж. У каждого свой рай. Принять чужую позицию всегда тяжело, но иногда приходится совершать насилие над разумом.

Вздыхнув, Кантана двинулась дальше. Хлипкий мирок, в котором она существовала последние полторы недели, качнулся ещё раз, и теперь – сильнее. Брата выкинуло за пределы настоящего. Предстояло вырвать Элатара из памяти, словно его никогда не существовало. Так делают все кланы, чтобы залечить язву позора. Однажды о нём позабудут и горожане, но произойдёт это куда позже, чем семья окончательно отвергнет старые воспоминания. Стервятники дольше помнят пролитую кровь, нежели собратья павших животных.

Размышляя об этом, Кантана ступила на извилистую тропку в ивовых порослях. Дождь смывал с лица отвратительную пыльную сухость. Запах грозы прогонял успевшую приесться вонь нечистот. Теперь рубеж был близок. Оставалось только надеяться на то, что дозорные не успели вернуться. На всякий случай стоило подготовить оправдание, вот только дельные мысли после всего, что произошло, в голову не приходили.

Шорох ломающихся ветвей заставил Кантану отвлечься от бесплодных раздумий о вечном.

– Деушка, – прорвалось сквозь шум ветра сиплое чавканье. – Пофтойте, деушка.

Встрепенувшись от неожиданности, Кантана развернулась. Струи ливневой воды побежали по шее, холодными змеями спускаясь под лиф платья. В груди закололо от страха.

Она была не одна в зарослях. Сквозь густую поросль по направлению к тропе, шатаясь, продирался мужчина. Ветви стонали и ломались, расступаясь перед ним. Тело незнакомца заносило то в одну сторону, то в другую, как флюгер на ветру. Сухая и толстая от отёков кожа, обтягивающая скулы незнакомца, горела россыпью красных пятен.

– Воды, дэушка, – простонал мужчина, вываливая изо рта растрескавшийся язык. Кровавая пена островками покрывала его губы. – Пить. Пить...

Несмотря на волны горячки, то и дело ударяющие в голову, выводы были слишком очевидными, чтобы не понять, что к чему. Недуг Пропasti одолел бедолагу, превратив в безумца. И заражённый направляется прямым курсом к ней... Только на этот раз рядом не было Зейданы с заклятием защиты от скверны.

В голове гудели тяжёлые мысли, и места для страха и паники не находилось. Никакого оцепенения, напротив: тело наполнила парадоксальная лёгкость, окрылив и освободив скрытые резервы. Кантана с готовностью отступила, не позволяя незнакомцу зайти за спину.

– Назад, – выставила руки перед собой. – Не приближайся.

– Пи-и-ить, – прочавкал мужчина, неуклюже выбираясь из порослей. Ступня, покрытая воспалённой кожей, чавкнула по покрытой илом гальке, опрокинув тело на одно колено.

Воспользовавшись возможностью, Кантана стрелой метнулась в заросли. Ивовые ветви смыкались перед лицом, наотмашь ударяя по вискам. Бесконечная поросль прутьев казалась живой. Хоть бы просвет впереди мелькнул!

Шаги за спиной становились всё громче – преследователь не отступил. Тщетно ища путь в дебрях, Кантана подумала о том, что, возможно, потеряла верный курс. Дождевые капли стекали по коже, пропитывали волосы, превращая взлохмаченные пряди в отвратительные сосульки. Горькая истома истерики заскреблась в горле, выходя наружу криком. Зловещий треск веток зазвучал совсем близко, и Кантана мужественно сжала губы, проглотив вопль. Нельзя позволять безумию взять над собой верх! Любой звук облегчит преследователю задачу, и если она поддастся панике – подпишет себе приговор.

Впрочем, медлить нельзя было тоже. Каждая ускользящая секунда на миллиметр приближала к гибели.

Одышка стиснула грудь, и сильный стон неудержимо задрожал на губах. Пыхтение и покрхтывание преследователя не давало перевести дыхание. Ещё мгновение, и рука, покрытая отвратительной плёнкой струьев, сожмёт плечо. Хорошо будет, если он решит вопрос её жизни сразу.

А если нет? Если ему вздумается отхаркнуть ей в лицо заразную пенистую мокроту, передав смертельную эстафету?! Кантана представила, как по щеке бежит тёплый ручеек чужой слюны, скапливаясь в уголке губ. От мысли о гибели в страшных мучениях икры сковала судорога.

Сдаваться нельзя. Вот только кто даст гарантию, что она сумеет справиться с крепким мужчиной, не подпустив его на опасное расстояние?!

– Дзущка-а, – вынырнувшая сбоку рука обломила ветвь в опасной близости от лица. Перед глазами мелькнула желтоватая чешуя струьев с багряной корочкой крови, похожей на джем. – Пы-ыть! Пыть!

– Отойди! – Кантана отпрыгнула. Тело, поддавшись силе тяжести, проскользнуло меж веток. Болезненное давление гибких прутьев пронеслось по плечам. – Прочь!

– Пы-ы-ыть!

Теперь Кантана могла хорошо разглядеть вспухшее лицо преследователя. Глаза, кажущиеся слепыми, смотрели в никуда, но Кантане было ясно – он видит всё. Сухие губы изгнанного изогнулись, и из уголка рта побежала густая пена с кровавыми ошмётками.

– Прочь! – взвизгнула она и резко подалась вперёд, серной пролетев меж ветвей.

Запыхавшись, преследователь дёрнулся и упал на одно колено. Грязь отозвалась сердитым чавканьем. Ладони заражённого плюхнули по вязкой жиже, подняв фонтанчики брызг.

Воспользовавшись полученным преимуществом, Кантана ускорила бег. Плетни ветвей исколотили уставшее тело до кровоподтёков. С надеждой она вглядывалась в беспросветные дебри, умоляя их расступиться и показать путь. Но, кажется, заходила лишь глубже. Радовало одно: шагов больше не было слышно, как и устрашающих сильных вздохов.

Кантана уже не думала о том, какие слова нужно припасти в оправдание, если дозорные окажутся на месте. Паника поглотила ненужные опасения. Лишь одно желание занимало рассудок: быстрее выбраться на тропку. Или, хотя бы, к рубежу. Идя вдоль сетки, можно будет легко прийти туда, откуда она начала свой путь.

Есть! Густая поросль, наконец, расступилась, и Кантана упёрлась в сетку забора. Пробежав несколько десятков метров вдоль забора, она, наконец, вышла к пункту дозорных. На её счастье, охраны на месте не было.

Но она была не одна. По ту сторону сетки стоял, укоризненно поглядывая на неё, совсем другой человек.

Впервые в жизни Кантана была так рада видеть Нери 42.

4

– Сумасшедшая! – Нери с трудом держался, чтобы не перескочить через забор и не высыпать глупой эгоистке по пятое число. – Ты хоть понимаешь, что натворила?!

Капли влаги стыли на губах. Ливневые потоки застилали глаза, размазывая чёрную фигурку по ту сторону сетки акварельным пятном. Но ещё сильнее досаждала ярость, клокочущая за грудиной. Опасное оружие, которое так и хотелось использовать против нахалки.

– Не время для нравоучений, Нери, – Кантана задыхалась. Бисеринки испарины переливались на её лице, смешиваясь с дождевыми струйками. – Передай-ка мне ружьё. Вот это, что у твоих ног валяется.

– Зачем?

– Не спрашивай! – глаза Кантаны расширились. – Просто подай мне его!

– Кантана, – Нери с сомнением посмотрел на землю, поймав взглядом начищенный ствол оружия, – ты стрелять-то умеешь?

– Придётся научиться, – выдохнула та. – Там заражённый. И он скоро будет здесь. Выхода нет.

Как в подтверждение её слов, воздух наполнил стон ломающихся веток и напряжённое, булькающее сопение, смешивающееся с шумом дождя. Кто-то шёл сквозь заросли, неумолимо приближаясь к рубежу.

– Он? – переспросил Нери на всякий случай.

Кантана кивнула и попятилась, вжавшись в решётку барьера.

– Отойди! – выкрикнул Нери сквозь свист ветра. – Ты не будешь стрелять.

Руки задрожали, едва он осознал сказанное. Он явно переоценил свои силы и возможности. И эмоциональную устойчивость – тоже. Живой человек – это не манекен. Сможет ли он? Деваться некуда!

В густой темени зарослей прорисовался крупный силуэт. Нери решительно вскинул ружьё. Давать Кантане палить означало совершить медленное двойное самоубийство.

– Нери, – умоляюще застонала Кантана, пытаясь вскарабкаться на забор. Мокрые сапожки соскользнули с увлажнённой дождём решётки, опрокинув её на землю. Кантану резко повело вперёд, но она выстояла.

– Стой там, – с уверенностью в голосе приказал Нери. Приклад упирался в плечо, пуская по нервам разряды боли. Он старался выглядеть твёрдым, хотя предательская дрожь пальцев выдавала тревогу. – Если он приблизится – беги. Не позволяй ему коснуться себя. Делай что угодно, но не позволяй! Мы... Мы запугаем его, чтобы он ушёл!

– Бесполезно, – Кантана отбросила с лица намокшие волосы. – Разума у него уже нет. Если он будет нападать – стреляй на поражение. Дозорные приказали.

– Ты в своём уме? – возмутился Нери.

– Они обречены, – выдохнула Кантана. – Они уже не люди. И я только что в этом убедилась. Не подводи нас обоих, Нери!

Треск ветвей перешёл в надсадный сип. Удушающий кашель чужака заглушил даже раскат грома. Зачарованно Нери наблюдал, как из кустов, подобно полной луне, выплывает отчётливый лик заражённого. Звёзды багровой сыпи покрывали обветренные щёки. Радужки глаз заслоняла мутная плёнка, делая их похожими на вулканические кратеры Запределья. Из угол-

ков рта заражённого стекали хлопья пены, скапливаясь серыми островками под изъеденной нижней губой.

Кантана завизжала и попятилась вдоль решётки. Нери впервые видел ужас в её глазах, и эта смертоносная паника передалась ему, заставив сердце затрепетать, как лист на ветру. Только бы всё получилось!

Оружие придавило плечо тяжестью: лазерный бластер и рядом не стоял! Хорошо, что тренер гонял их на занятиях по самообороне, и Нери посчастливилось практиковать стрельбу из допереломного оружия. И, хотя навык в этой области был очень жидким, хорошо, что он вообще был.

Пошатываясь, заражённый выполз из зарослей в дождь. Ливень мгновенно намочил его волосы, вздыбив грязные пряди.

– Дэ-э-эушка, – простонал он почти умоляюще, делая шаг по направлению к Кантане. – Пить! Дэушка пить!

– Уходите отсюда! – чётко прокричал Нери, взяв заражённого на мушку. – Я буду стрелять на поражение!

Затуманенные глаза незнакомца устали в никуда. Уколы совести стали не такими болезненными. По крайней мере, теперь Нери был уверен, что заражённый его не слышит.

– Пить! – мужчина ринулся к Кантане, спотыкаясь на ходу.

Моментально отреагировав на нападение, Кантана, как кошка, метнулась в заросли. Ветви сомкнули ряды за её спиной, надёжно укрыв от посторонних глаз. Заражённый бросился следом, но скорость его реакции была куда ниже. Потеряв равновесие, преследователь упал на задницу, собрав грязь полкой рваного балахона. Разодранный затылок коснулся песка. Нери с ужасом смотрел, как дождь наполняет глазницы незнакомца.

– Стреляй, Нери! – донёсся из зарослей отчаянный крик. – Он же убьёт меня!

Задыхаясь от волнения, Нери прицелился. Руки дрожали, а вместе с ними трясся и ствол ружья. Непреодолимое чувство вины поднялось к горлу горячечной волной. Эту жизнь давал не он. Но сейчас он должен был оборвать её, как тонкую нить. Есть ли у него такое право?

– Я не могу! – прокричал он, отплёвываясь от дождевых капель. Ветер насмешливо перехватил его вскрик, разбросав по берегу бусинками эха. – Он живой! Он живой, Кантана!

– Зато я скоро буду мёртвой! – Кантана ещё умудрилась язвить.

– Я не могу, – повторил Нери шёпотом.

Кулачище грома расколотил воздух на острые осколки. Сверкнувшая в вышине молния осветила окрестности холодным сиянием, выжгла цвета, заиграв на контрастах.

– Пить, – повторил заражённый уже отчётливее. Погрузив ладони в песок, приподнялся на руках и встал на колени. Его некогда крепкое, мускулистое тело шатало. Когда подошва мужчины нетвёрдо встала на песок, Нери попятился, всё ещё удерживая перед собой ружьё. И вовремя: заражённый даже и не думал нестись вслед Кантане. Разогнавшись, мужчина кинулся на барьер, подобно раненому гепарду. Опоры тревожно заскрипели, металлическая сетка подавалась под тяжестью обмякшей туши. Пальцы, покрытые грязными струпами, обвили сеть в жалких сантиметрах от лица. Задохнувшись от брезгливости, Нери отступил по скрипящей гальке. В голове ревел похоронный колокол.

– Пи-и-ить! – убийственный раскат прогремел, заглушая шум ливня. Сетка, провиснув под натиском изгнанного, зашаталась. Крепления заскрипели об опоры, угрожая лопнуть.

– Прости, – простонал Нери, обращаясь к заражённому. Он понимал, что слова направлены в никуда. Эта мужская особь не видела его и уж точно не слышала. Но муки совести на этот раз перевесили доводы здоровой логики. – Я не хочу умирать. И она не хочет тоже. Поэтому я должен это сделать... Поверь мне, там тебе будет лучше. Что бы по ту сторону ни оказалось: пустота или прибежище Покровителей. В любом случае.

– Пить?! – глаза заражённого внезапно вспороли воздух над плечом.

Поймав осознанный взгляд незнакомца, Нери замялся и опустил ствол. Сердце тикало, как часовой механизм бомбы, отсчитывающий последние секунды до небытия.

Шатаясь, заражённый попятился. Изъязвленные пальцы отпустили ограду. На торчащих металлических остовах осели хлопья желтоватого гноя с кровавыми прожилками. Нери пере-дёрнуло от отвращения.

Заросли за спиной заражённого мерно раскачивались под дуновениями ветра. Никаких следов присутствия Кантаны – лишь тягучая, наполненная дождём пустота. О ней напоминало разве что иррациональное чувство чужого взгляда, что, не отрываясь, наблюдает за каждым шагом... А ещё Нери кожей чувствовал её страх, и это был не пустой каприз избалованной девчонки, а настоящий ужас, заставляющий кровь смерзаться в сосудах и останавливающий биение сердца. Знамя приближающейся кончины – вестник того, что никакие скрытые резервы для выживания уже не помогут.

– Прости, – повторил Нери сдавленно. Приклад упёрся в плечо. Прицелившись, он с трудом взял голову ссыльного на мушку. Лучше будет завершить всё сразу, одним движением. Так, чтобы несчастный даже не успел осознать произошедшего.

Заражённый снова двинулся на решётку. Сквозь квадратные дыры в металлической сетке Нери видел приближающееся обветренное лицо. Безучастные глаза, смотрящие в никуда, были подёрнуты поволокой. Ниточка заразной слюны сбегала по шее заражённого. Нери содрогнулся: что, если ему вздумается плюнуть?! Он не горел желанием узнать, каково это: умирать от водяного бешенства, которое здесь зовётся недугом Пропasti. Раньше бюджетные ужастики про зомби-Перелом не впечатляли, но теперь...

– Остановись, – голос срывался и дрожал. – Я всего лишь помочь хочу. Ты больше не будешь мучиться.

Блинообразное лицо, покрытое ошмётками восковой кожи, вошло под прицел. Нери по-прежнему не мог избавиться от ощущения, что мутные, невидящие глаза с осуждением смотрят на него. Не облегчила муки совести и попытка в очередной раз оправдать свои действия благой целью. В горле свербил горький привкус разочарования в самом себе.

– Нери! – визг Кантаны просочился сквозь решётку и врезался в лицо, как цунами. – Нери, не мешкай! Он опасен! Быстрее, покончи с этим уже!

Взмокшая ладонь скользнула по стволу ружья. Холодный металл казался враждебным и непредсказуемым. Палец лёг на спусковой крючок. Леденящий импульс обжёт кожу. Хотя в чём-то Кантана права: пора развязать порочный узел, если они оба не хотят закончить жизнь в мучительной заразной агонии. Собрав мужество в кулак, Нери попытался выстрелить.

Толчок. Странный хлюпающий звук сотряс пелену дождя.

Нери так и не понял, что произошло потом. Заметил лишь, что ружьё вывалилось из рук, бухнувшись на сырой песок. Выстрел прорвал воздух. Вибрация отдачи прошла по проржавевшей сетке натужным гулом. Запахло порохом и сажей. Нери так и не заметил, куда улетела пуля и повредила ли она что-нибудь. Одно было ясно как день: его эта участь миновала. Он был невредим.

Как и заражённый, что разъярённым медведем надвигался на барьер.

– Чёрт! – выругался Нери, нагибаясь, чтобы поднять оружие.

Мокрые волосы упали на лицо, заслонив обзор. Голова гудела, словно пчелиный улей. Липкие капли заструились по шее, затекая под рубашку. Но казалось, что они проникают под самую кожу, полосуя нервные окончания.

И только теперь Нери, наконец, осознал причину. Правая рука безвольно повисла плетью. Снова. Как и тогда, в спортзале.

Вскинув голову, Нери увидел заражённого точно над собой. Пуская кровавую слюну, мужчина навалился всей массой на шаткое ограждение. Ноги незнакомца тщетно скользили по переплетениям металлической проволоки, пытаясь приподнять массивное тело над землёй.

- Аи-и-иф-ф! – зафырчал мужчина, размазывая гной по ограждению.
- Постой, приятель! – зашептал Нери, борясь с ужасом. – Скоро всё закончится.
- Айф?

Чёрный силуэт возник за спиной заражённого. Кантана выскочила из зарослей на тропку. В руках её покачивался металлический прут. Она уже не кричала: лишь бегающие глаза выдавали ужас и смятение. Плотнo сжатые губы были готовы исторгнуть поток проклятий. И кому, как не Нери, было знать, что предназначались они отнюдь не несчастному ссыльному.

Стоп. Если Кантане вздумается броситься на изгнанного, и попытка не увенчается успехом, логично предположить, что в неё полетит нехилый бумеранг. Сознаёт ли она, что творит?!

Нужно опередить её!

Вот только как это сделать? Если раньше мешало презрение, подтравленное высокомерием, то теперь появилось препятствие куда серьёзнее! Рука по-прежнему отказывалась подчиняться командам мозга, свисая безвольной плетью.

Нери поднял ружьё одной левой и терпеливо извлёк патроны из небольшой кожаной сумки, висящей на ремне. Теперь нужно перезарядить оружие. Неизвестно, чего можно ждать, если механизмы вдруг вымокнут. Нери заслонил ружьё собственным телом. Дождевые потоки ударили в спину и резво побежали по пояснице.

Хлипкие металлические нити снова застонали, перетираясь о трубчатые опоры. Ограда мелко затряслась под натиском заражённого. Сквозь шум дождя до ушей доносился вопль. Правая рука резко дёрнулась в такт завываниям и снова замерла. Ну что ж, по крайней мере, один хороший знак. Нери тщетно попытался удержать ствол обеими руками, но пальцы вновь разжались, отпустив ремень.

На противоположной стороне барьера заражённый неуклюже раскачивался на сетке, угрожая обрушить хлипкую преграду. Лицо его перекашивала гримаса боли, жёлтая слизь струилась из носа, смешиваясь с кровавой слюной. Кантана стояла в опасной близости, замахи-ваясь куском арматуры. Поймав её взгляд, Нери замотал головой. Нужно было оградить Кантану от необдуманного поступка. Но та лишь хитро приподняла брови, демонстрируя бескомпромиссную решимость. Неизвестно, кого безумие одолело больше: несчастного изгнанного или наследницу клана Бессамори.

Осторожно переставляя ноги, Кантана переступала по гальке, подкрадываясь ближе к незнакомцу. Проржавевший прут арматуры в её руках походил на топор Вершителя, который Нери видел на Посвящении.

- Пыть! – ревел преследователь, качаясь на ограде. – Пы-ы-ыть! Пы-ы-ыть! Пыть!

Металлическая проволока, спиралью обвивающая столбы опор, натужно визжала, обтираясь о щётку вековой ржавчины. Торчащие шипы, вылезшие из сетки в местах разрывов, впивались в руки ссыльного. Потоки кровь скользили по воспалённой коже, вызывая у Нери рвотные позывы. Обременённый постоянным уходом за сестрой, он видел многое, но подобное – впервые. Но самое страшное, что он наблюдал сейчас, звалось безумием и знаменовалось потерей самого себя, человеческой сущности. Окончательной и бесповоротной.

Надо стрелять. Бояться нечего. Его уже нет в этом полусгнившем теле.

Нери вскинул ружьё одной левой. Ствол заплясал в воздухе. Едва ощутил опору и смог прицелиться, он почувствовал себя всемогущим.

– Убей, – внезапно проголосил ссыльный, осознанно уставившись на Нери ослепшими глазами. – Умоляю. Прикончи.

Ствол дрогнул в руке, едва не заставив потерять равновесие и упасть на песок. Захотелось убежать подальше, бросив всё, только чтобы не слышать этого и не видеть. Чтобы из памяти улетучились кошмарные мгновения осознания, что человек напротив ещё жив. Заперт глубоко в своём сумасшествии, но жив. И жаждет освобождения, как глотка воды!

Нери попятился, по-прежнему держа ружьё наготове.

Пальцы рабочей руки задёргались, наконец, позволив сжать кулак. Судорога пробежала по нервам вверх, согнув руку в локте и тут же снова превратив её в висящую плеть. Подняв глаза, Нери заметил, что Кантана приблизилась к заражённому вплотную и уже занесла арматуру для удара.

– Кантана, – Нери задохнулся от бьющего в лицо колючего ветра. – погоди! Он жив! Он жив, говорю тебе!

Кантана, услышав его посыл, насуплено покачала головой. Мокрые волосы сосульками облепили раскрасневшиеся щёки.

Прут засвистел в воздухе, рухнув на голову мужчины. Фонтанчик дождевых брызг выбился из его взмокшей шевелюры. Чёлка надо лбом приподнялась волной, обнаружив зарубцевавшееся клеймо.

– Дура! – Нери не смог сдержать эмоций. – Кто тебя просил?!

Изгнанный, разъярившись, развернулся к Кантане и, шатаясь, пошёл на неё. Не теряя времени, она обрушила на его голову ещё один удар.

– Прочь! – завопила Кантана. Пронзительный крик птицей вознёсся в дождливую высь. – Уходи, или я убью тебя, клянусь!

Заражённый почти приблизился к ней. Его шатало и заносило, словно он перебрал «Номера один». Гибко, словно кошка, изогнувшись, Кантана отпрыгнула к зарослям.

– Стреляй, Нери! – её сиплый крик был наполнен болью и отчаянием. – Скорее!

Ярость ударила кулаком под дых. Знала бы капризная девчонка, что всё не так просто!

Нери предпринял очередную попытку пошевелить правой рукой. Наконец-то! Разряд отвратительной, тянущей боли пронёсся по нервам, но рука послушалась. Дрожащий палец лёг на спусковой крючок.

– Что я творю?! – простонал он, целясь в голову заражённого, что тщетно пытался наступить Кантану.

Страх смерти и мук неожиданно оказался сильнее терзаний совести. Тело стало действовать отдельно от рассудка, оторвавшись от его человеческой части. И пусть глаза щипало от слёз, а сердце колотилось, как тамтам. Пальцы, противореча какофонии эмоций, хладнокровно спустили курок...

Выстрел.

Боль отдачи стиснула плечо железными пальцами. Онемение волной прошло по коже и спустилось к кончикам пальцев. Запах пороха снова заиграл в сгустившемся воздухе.

Да, Нери не обладал столь же безупречной реакцией, как его юная спутница. Но вот стрелять он умел. Очень хорошо умел.

Заражённый повалился на спину, конвульсивно дёрнувшись. В виске его зияла чёрная дыра. С обугленных краёв лениво стекал багряный ручеёк густой крови. Дождь хватал кровавые ошмётки, впечатывая красные пятна в песок.

Кантана отпрыгнула от рухнувшего тела и задрала лицо в небо, сочащееся дождём. Сдавленный сип пронзил лохматую вату облаков. Даже с большого расстояния Нери видел, как дрожат её губы.

– Всё кончено. – сказал Нери, опуская ружьё. Он удивлялся собственному хладнокровию: вид мёртвого тела и осознание того, что он совершил убийство, совершенно его не трогали. – Он мёртв, Кантана.

5

– Сумасшедшая! – выкрикнул Нери, опуская ружьё на землю. Патронов не осталось, да и повторять сомнительный подвиг не хотелось. – Вылезай оттуда скорее!

Тучи затянули небо плотной коростой. Негодование природы извергалось на землю ливневыми потоками. Темнота обволокла берег ворсистым покрывалом. Зимние дни слишком

коротки, чтобы успеть их прочувствовать. Зато уж долгие ночи точно годятся для мучительных размышлений о бренности бытия.

Кантана ринулась к загородке, возбуждённо дыша. Глаза её поблёскивали, выдавая панику.

– Не здесь, – остановил её Нери.

– Что? – она застыла в паре метров от ограды.

– Он кидался на загородку в этом месте и испачкал её кровью. Мало ли...

– Не время умничать! – Кантана казалась раздражённой.

– Зато самое время пойти на поводу у глупых принципов, – Нери подмигнул. Слова струились из горла сами, как чистый поток: оставалось лишь придавать им ускорение, чтобы они, как пули, сражали наповал. – И заразиться. Ты хочешь умереть в мучениях, как он?! В добрый путь! Только тебе я помогать в этом не буду! Ты прочувствуешь всю красоту болезни от начала до логического завершения! Поняла меня?!

– Хватит орать! – возмутилась Кантана. – Я и так прекрасно тебя слышу!

– Но ты ведь иначе не понимаешь, – Нери бросил ружьё на песок и отошёл на десяток шагов выше вдоль забора. – Лезь здесь. Думаю, тут безопасно. Если, конечно, никто не пытался убить себя о сетку до нашего прихода.

Всё ещё фырча от раздражения, Кантана вскарабкалась по решётке. Дождь заливал её лицо, заставляя кожу блестеть в полумраке. Даже сквозь ячейки металлической изгороди было заметно, как дрожат её пальцы.

– Давай, помогу! – Нери протянул руки.

Кантана нехотя поддалась, позволив снять себя с забора. Ладони Нери обожгла ледяная влажность чёрного бархата. Он догадывался, что сам взмок ровно настолько же, да и ветер, пробирающийся до костей сквозь отсыревший пиджак, не давал в этом усомниться.

Кантана ступила на песок и выпрямилась, шумно переводя дыхание. Забавная она: сначала делает всё для того, чтобы влипнуть в очередную передрыгу, а потом, чудом из неё выпутавшись, дрожит от ужаса.

– Ну что? – с сарказмом процедил Нери. – Бесплезным было твоё путешествие? Я, между прочим, сразу говорил тебе, что брата ты не найдёшь!

– Я нашла его, Нери, – прохрипела Кантана, отплёвываясь от дождевой воды. – Но он решил всё без нас. Он слишком гордый...

– Или ему не нужна эта жизнь, – подхватил Нери, перекрикивая шум дождя.

– Да, – подытожила Кантана горестно.

– Каждый имеет право на выбор, – Нери вздохнул в сгущающейся темноте. – Это его дело. Просто позволь ему эту роскошь: определиться. Впрочем, я предполагал, что Элатар не захочет быть спасённым. Твой шаг как всегда был спонтанным, ненужным и необдуманным.

– По крайней мере, я увидела его, – победно доложила Кантана. – И знаю, что он счастлив.

– В Пропастях-то?!

– Они все счастливы там, Нери.

– Может, ты тоже к ним хочешь? – он едва сдержал нервный смех. – У тебя есть все шансы.

– Удивишься, но думала об этом, – с неожиданной серьёзностью произнесла Кантана. – Я встретила там одну женщину, которую знала раньше. Она выглядела куда более счастливой, чем я.

– Ну что ж. Этой цели достичь легко. Где бы ты ни видела счастье, Кантана Бессамори, я не стану удерживать тебя от того, чтобы ты его взяла. Мне от этого ни холодно, ни жарко – счастье у нас разное. Но, думаю, что лучше будет тебе заняться этим позже. Потому что сейчас нам надо сматываться.

– Да уж. Мы промокли до костей. Но дозорные в Башне, и нам туда хода нет, – Кантана отвернулась, поглядывая на развалины, торчащие из земляных завалов как гнилые зубы из распухших дёсен. – Предлагаешь столкнуться с ними нос к носу?

– Я похож на самоубийцу? – Нери попытался усмехнуться, но получилось плохо. Осознание произошедшего, наконец, накрыло, подступив к самому горлу удушьем. Он – убийца. – Просто открой портал и выведи нас наверх.

– Думаешь, получится? – взгляд Кантаны стал умоляющим.

– Главное, чтобы ты сама была в этом уверена, – выдвигал Нери, борясь с нахлынувшим ужасом.

Дождь, усилившись, занавесил пространство Пропasti. Шум падающих капель оглушал. Струи ледяной воды летели на землю, как копыя, рыхля песок. Казалось, что лужи ближе к берегу кипят.

Однако тело, лежащее у самого рубежа, всё ещё вырисовывалось размытым пятном, приковывая взор. Нери то и дело косился на растопыренные пальцы мертвеца, потонувшие в ливневых потоках. Когда-то в каждой его клеточке теплилась жизнь: может быть, никчёмная и мучительная, но настоящая. Жизнь, которую оборвал он, Нери 42. Своими руками. Вот оно – первое кровавое пятно в биографии.

– Каждый имеет право на выбор, – Кантана неожиданно повторила его слова и вздохнула. Повернув голову, Нери заметил, что она смотрит в том же направлении. От этого не стало ни легче, ни теплее. – Но у тебя его не было.

– О чём ты? – переспросил он, пытаясь скрыть смятение.

– Ты знаешь, Нери, – Кантана закашлялась, захлебнувшись дождём. – Мы оба погибли бы в муках, если бы не ты. Из двух зол выбирают меньшее. Ты правильно поступил.

– Давай не будем философствовать, – Нери с отвращением откинул мокрые пряди, налипшие на лоб. Девчонка отлично нащупала его слабинку. А ворошить неизвестные доселе эмоции совершенно не хотелось. – Не время. Нам пора уходить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.